

В XIX в. создаются две новые редакции П.; одна из них принадлежит И. С. Мяндину. Анонимная (распространенная) редакция XIX в. сохранилась в списке ГПБ, Q.I.1081. Поздние редакции П. представляют две тенденции в отношении старообрядческих книжников к древнерусскому литературному наследию: с одной стороны, стремление продлить жизнь раннего памятника, приблизив его к вкусам современников (редакция Мяндина), с другой — попытка сохранить архаичный стиль древнего текста (анонимная редакция).

Вопрос о датировке П. о ц. Д. в научной литературе решается неоднозначно. А. И. Соболевский, сконцентрировав внимание на языковых особенностях памятника, относил возникновение его к домонгольскому периоду. В последнее время эту точку зрения поддержал Т. П. Буачидзе. Большинство исследователей датируют П. XVI в., исходя из идеологической основы памятника (А. И. Соболевский, Л. С. Шепелева, А. А. Зимин), а также из общих тенденций развития повествовательной литературы в XVI в. (Я. С. Лурье).

Текстологическое сличение всех выявленных списков П. о ц. Д. не дает оснований значительно отодвигать датировку П. от времени возникновения ее древнейшего списка (ГПБ, Софийское собр., № 1471) — конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в.

Социальной средой, в которой возникла П., большинство исследователей признают московские правительственные круги. М. Н. Сперанский мотивирует свое мнение тем уровнем образованности, который необходим был для создания подобного памятника, Т. П. Буачидзе — близостью концепции П. политическим установкам московских официальных кругов. Подтверждение полного соответствия П. о ц. Д. официальной идеологии Московского государства Г. Г. Пайчадзе видит в популяризации П. русскими правящими кругами (включение во 2-ю редакцию Казанской истории, обилие списков памятника, использование сюжета П. в настенной росписи Золотой царицыной палаты в Кремле, наличие иконы Динары). Л. С. Шепелева, А. А. Зимин, Я. С. Лурье предполагают, что П. была создана в кружке митрополита *Макария*.

Жанровые особенности П. были проанализированы М. Н. Сперанским. Исследователь сближает ее с такими воинскими повестями, как *Повесть о Тамир-Аксаке* и *Сказание о Мамаевом побоище*. Рассказ об историческом событии (битва Динары с персами) облечен в П. в форму чуда богородицы; основные публицистические идеи (призыв подняться на борьбу с иноверцами, объединившись вокруг царицы, мысль о преемственности царской власти от бога и нераздельности Грузии и др.) сконцентрированы в монологе Динары — речи к грузинскому войску.

Сюжет повести о грузинской царице отразился в изобразительном искусстве 80-х гг. XVI в. Е. С. Овчинникова датирует стенопись Золотой царицыной палаты Московского Кремля, посвященную изображению деяний четырех христианских цариц: Ольги, византийских цариц — Ирины и Феодоры — и Динары (в 4 композициях). Создание иконы Динары, происходящей из Донского монастыря, Е. С. Овчинникова относит к 90-м гг. XVI в. и предполагает ее зависимость от росписи царицыной палаты. Единственный лицевой список П., относящийся к XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 867), не дописан до конца: переписанной здесь части текста соответствует 5 миниатюр, в то время как, по расчетам М. Н. Сперанского, полному тексту П. соответствовало бы не менее 25. Раскрытые от слоя поздней записи фрагменты стенописи, относящиеся к истории Динары, опубликованы Е. С. Овчинниковой (с. 233—234); икона и миниатюры Уваровского списка опубликованы М. Н. Сперанским (с. 85—89).

Текст П. о ц. Д. неоднократно издавался по отдельным, нередко случайным спискам.

Изд.: Brosset M. Notice sur deux relatifs à l'histoire de la Georgie au XIII-e siècle sous la reigne de Thamar // Bulletin de la imperiale des Sciences de St. Petersburg. СПб.; Лейпциг, 1852. Вып. 9. № 19. С. 289—304 (по списку XVII в. ГИМ, Воскресенское собр., № 154); Броссе М. И. Сведения о грузинской царице Тамаре в древней русской литературе // Учен. зап. Имп. АН по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. 1, вып. 4. С. 478—490 (по списку БАН, № 4, конец XVI—начало XVII в., соврем. шифр БАН, 31.6.27); ПЛ. Вып. 2. С. 373—376 (по списку XVII в. ГБЛ, собр. Румянцев, № 457 с разночтениями по списку ГБЛ, собр. Румянцев, № 378, XVII в.); Изд. ОЛДП. СПб., 1888. № 66—89. С. 151—157 (факсимильное издание хронографа с приложениями по списку ГПБ, собр. Вяземского, № 238, XVII в.); Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. XI // ИОРЯС. СПб., 1911. Т. 16, кн. 2. С. 233—243 (по дефектному списку конца XVII в. Дрезденской королевской библиотеки, № 6 (of. 90) с вставкой из рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1574, XVII в.); С к р и п и л ь. Русские повести. С. 88—91 (по списку ГПБ, Софийское собр., № 1471, XVI в., с исправл. по списку XVII в. ГИМ, собр. Уварова, № 1819); К и р к и н с к а я (Т р о и ц к а я) Т. С. Сибирский список повести о царице Динаре (XVI в.): (Текстологические заметки) // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 78—82 (по списку исхода XVI—начала XVII в. ГИИТБ СО АН СССР, Томское собр., Q.II.33); Т р о и ц к а я Т. С. 4) Поздняя рукописная традиция Повести о царице Динаре // Книга в Сибири XVII—начала XIX вв. Новосибирск, 1980. С. 135—138 (по списку XVIII в. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 54); 2) Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина // Древнерусская княжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 36—47 (по списку 80-х гг. XIX в., находящемуся в Усть-Цильме; копия: ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское новое собр., № 368).

Лит.: Соболевский А. И. 1) Особенности русских переводов домонгольского периода // СОРЯС. СПб., 1940. Т. 88. № 3. С. 175; 2) Из истории древнеславянской письменности: К повести о царице Динаре // ИОРЯС. Л., 1928. Т. 1. С. 391—395; Сперанский М. Н. Повесть о Динаре в русской письменности // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 43—92; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 297—322; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 102—108; Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 222—238; Буачидзе Т. П. Из истории литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1968. С. 114—195 (на груз. яз.); Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки беллетристики. С. 401—402; Пайчадзе Г. Г. Повесть о Динаре: (критический обзор истории изучения памятника) // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 260—272; Троицкая Т. С. 1) Древнерусская повесть о царице Динаре: (Проблема включения в сборники различного характера) // Материалы республиканской конференции. Тарту, 1976. С. 3—13; 2) Ранние этапы литературной истории повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 28—45; 3) Литературная история повести о Динаре (XVI—XIX вв.): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982; 4) Жанровые трансформации Повести о Динаре в XVI в. // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 11—12.

Т. С. Троицкая

Повесть о цесаре Оттоне и Олунде («Повесть изрядная, полезная же и утешная об Оттоне цесаре Римстем и о супруге его цесареве Олунде, юже со двема чады своими в препустую и далечайшую пустыню изгна клеветы ради и наглаголения матери своея, и како дивным промыслом и чудным строением божиим по многих летех в познание и соединение приидоша») — переводная повесть 1670-х гг. Древнейшая редакция П. представлена французской поэмой, переделанной позднее в прозаический роман, изданный в Париже в XVI в. С французского текста был сделан в 1535 г. перевод на немецкий язык. Немецкие народные книги о римском цесаре Октавиане явились оригиналом для польского текста, с которого, в свою очередь, был сделан русский перевод. Большинство русских рукописей указывают в заглавии как на дату перевода на 1677 г. Однако встречается также указание на 1673 и 1675 гг. По содержанию П. относится к числу сказаний о римском цесаре Октавиане (в польской и русской версиях герой носит имя Оттон). В ней рассказывается о приключениях оклеветанной свекровью супруги Оттона — Олунды и двух ее сыновей. Обвиненная в неверности мужу, она была изгнана с двумя сыновьями-близнецами в пустыню. Однажды, заснув от усталости, несчастная мать потеряла сначала одного сына, похищенного обезьяной, а затем и другого,

похищенного львицей. Первый, названный Флоренсом, был воспитан воином и, отличившись подвигами при нападении египетского султана на Францию, был торжественно посвящен в рыцари. Второй, похищенный львицей (и названный поэтому Лионом), был случайно найден матерью и вместе с ней тоже жил во Франции. Во время нашествия египетского султана ему удалось освободить Флоренса и Оттона, своего отца, захваченных неприятелем, а затем взять в плен египетского султана. После этого следуют встреча и примирение Оттона с женой и узнавание ими во Флоренсе своего сына. Далее рассказывается о женитьбе Флоренса на дочери египетского султана Маркебилле, принявшей вместе с отцом христианство, и о возведении его на английский престол. Лион, женившись на испанской королевне, наследует испанскую корону.

Русский перевод П. был сделан, согласно предположению В. Кошного, с того несохранившегося польского издания, которое использовал в «Różnych historyjach» Томаш Маргилевич (W. Košny. С. 158). К этому несохранившемуся изданию близко, как считает Э. Малэк, издание 1569 г., переизданное в 1929 г. Ю. Кжижановским. Сравнивая с этим польским изданием русский перевод (по рукописи ГБЛ, ф. 152, № 5, конец XVII в.), Э. Малэк отмечает, что переводчик перевел весь обширный текст романа, сохранив без изменения фабулу и композицию оригинала. Сохранено также деление на разделы и подзаголовки. Отступления от оригинала появляются только, как отмечает польская исследовательница, на языковом уровне, поскольку перевод был не пословным, а литературным. При этом синтаксис оригинала несколько упрощен, хотя и в русском тексте сохранилось много причастных оборотов, которыми так изобилует польский текст. Кроме того, русский текст, по наблюдению Э. Малэк, значительно многословнее, чем польский, в основном за счет стремления переводчика к нанизыванию определений, характерному для высокого стиля.

Однако вскоре текст начинает значительно изменяться русскими редакторами. Видимо, в 1696 г. (как считает Э. Малэк, исходя из заглавия списков) возникла сокращенная редакция романа, озаглавленная «Повесть о римском цесаре Антонии, выписано из древних римских летописцев 7204 году, августа в 17 день» (ГПБ, собр. Погодина, № 1617; БАН, 21.11.4; ГПБ, Q.XV.107). В данной редакции полностью меняются характер произведения, его структура, жанр. Под пером автора данной редакции занимательный роман о цесаре Оттоне переродился в дидактическую повесть, в назидательную историю о судьбе невинной царицы, оклеветанной злой и завистливой свекровью. Но широкое распространение на Руси получила не эта русифицированная обработка переводного романа, а сходный с ней вариант, который исследователи называют *Повестью о царице и львице*, или Краткой редакцией Повести о цесаре Оттоне.

В 30—50-х гг. XVIII в. появилась редакция П., названная «История о Антоне римском и о супруге его цесаре(ве) Олунде, како бысть по зависти свекрови своей ради добраго в супружестве жительства во изгнании многия лета чрез детей своих цесаревичев Флорен(ца) и Леона в познании и в соединении приде». Поскольку эта редакция обнаружена пока только в одном списке — ГИМ, собр. Забелина, № 536, исследователи (В. Кошный, Э. Малэк) называют ее Забелинской. Автор этой редакции, сохранив полностью фабулу романа, почти наполовину сократил его первоначальный текст за счет исключения различных описаний и замены некоторых диалогов, несущих для развития действия, косвенной речью. Как и в Повести о царице и львице, в этой редакции усилена назидательность П. Автор постоянно подчеркивает, что все изменения в судьбе героев случаются по воле провидения. Псевдоисторический фон романа здесь, в отличие от Повести о царице и львице, сохранен, но султан египетский стал султаном турецким, поскольку для русского читателя середины XVIII в. борьба христиан с «погаными» ассоциировалась с войной

против магометанской Турции. Стиль и язык Забелинской редакции переработаны в духе оригинальной беллетристики середины XVIII в.

В то же время, что и Забелинская, возникла еще одна редакция П. о ц. О. и О., представленная рукописями ГИМ, собр. Уварова, № 619; Музейское собр., № 1388; ГПБ, собр. Погодина, № 1770; БАН, 32.11.7 и др. Озаглавлена она так: «Повесть изрядна, полезна же и дивна о преславном римстем цесаре Оттоне и о супруге его, целомудренной цесареве Алунде, юже со двема своими чады с малейшими младенцы, напрасно на смерть осуди, в препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и навождения суровейшия матери своея и како дивным промыслом и пречудным строением божим по многих летех вси соединипаша и в познание приидоша». Все списки этой редакции сообщают, что первоисточником перевода был латинский (а не польский) текст. Исследователи, однако, не сомневаются, что данная редакция относится к тому же самому переводу с польского, что и предыдущие. Автор данной редакции вносит много мелких изменений в фабулу П. (см. об этом в исследовании В. Кошного), что характерно для редакций беллетристических произведений, возникших в XVIII в. Кроме того, как и предыдущие русские редакции П. о ц. О. и О., данная обработка испытала на себе влияние русской нравоучительной литературы. Здесь, например, более часто, чем в оригинале, подчеркивается зависимость людской судьбы от деяний божьих, включены в текст дополнительные молитвы героев к богу и т. п. В обработке рыцарских эпизодов романа сказалось знание автором редакции стилистики и фразеологии русской воинской повести (Э. Малэк. С. 52). Отдельные, более поздние списки этой редакции (например, БАН, 32.11.7) отражают, кроме того, особенности русской послепетровской литературы. Как отмечает Э. Малэк, здесь чаще, чем в остальных рукописях, приводятся титулы и должности героев, подчеркивается, что место человека в обществе зависит от ранга, но ранг можно и нужно заслужить делами (Э. Малэк. С. 52—53). Некоторым изменениям подверглись и любовные сцены: отношение Флоренса к Маркебилле становится более учтивым и галантным, что Э. Малэк также связывает с изменениями, происшедшими в общественной и литературной жизни России XVIII в.

В XVIII в. возникла еще одна редакция П., сохранившаяся в списках БАН УССР, 1.594 и ИРЛИ, собр. Перетца, № 333. Эту редакцию, особенности которой описала Э. Малэк (с. 53—57), можно, на наш взгляд, назвать Демократической. Изменения, внесенные ее автором в текст П., значительны и очень характерны для подобных редакций других переводных романов, созданных в XVIII в. в демократической среде: текст П. в ней значительно сокращен (более чем в 6 раз) и создает впечатление записанного по памяти. Автор отказывается от богатого псевдоисторического фона, действие происходит попросту «в некотором государстве», большинство героев не имеют имен. Мотив борьбы христиан с «погаными» отсутствует, султан египетский, названный здесь «фараоном», воюет не с Европой, а лишь с Персией, причем Персия здесь — город, столица неведомого Мастердоньского царства. Значительным изменениям подверглись многие эпизоды романа, в частности история изгнания из царства Олунды (здесь — Дарии), эпизод погони царицы за львицей, повествование о судьбе царицы Олунды (Дарии) после того, как она отыскала сына, украденного львицей. В 1787 г. в сборнике «Повествователь русских сказок», изданном в Москве, была напечатана «Сказка о двух царевичах, рожденных вместе». Э. Малэк считает, что хотя издатели и называют опубликованный текст сказкой, он скорее является лишь еще одной версией П. о ц. О. и О., поскольку никаких следов сказочной поэтики (сказочных формул, сказочных героев) здесь нет. Неизвестно, была ли издателями записана устная версия романа об Оттоне или они использовали рукописный текст, однако и в том и в другом случае оригинал был отредактирован издателями, как и все собранные в сборнике произведения. Об этом говорит,

по мнению Э. Малэк, стилистическая однородность сборника. Характеристику данной версии П. см.: Э. Малэк. С. 57—59.

В первой половине XVIII в. сюжет П. послужил основой для двух пьес. В театре царевны Натальи Алексеевны была поставлена «Комедия Олундина», а «Повесть о царице и львице» была перделана в драму при дворе Елизаветы Петровны в 1740—1741 гг. (см. *Акт о палестинской царице*). Известны устные пересказы Повести о царице и львице (С. Ф. Елеонский. С. 42—44) и сказки на ее сюжет.

Изд.: Сказка о двух царевичах, рожденных вместе // Повествователь русских сказок. М., 1787; Повесть зело душе полезна, выписана от древних летописцев и римских хроников. М., 1847; Рыбников. С. 185—202; 2-е изд. Т. 3. С. 278—295; История о львице, вскормившей царского сына. М., 1900.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 237—241; Петров Н. И. О влиянии западно-европейской литературы на древнерусскую // ТКДА. 1872. № 8. С. 756—757; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 450—451; Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. СПб., 1898. № 128. С. XXXV—XLIII, 24—27; Пташицкий С. Л. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 353—355; Клиггер В. П. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903. С. 55; Назаревский О. А. 1) Знадобы до історії давньої повісті: Повістевий репертуар київських рукописних збірок // Записки іст.-філ. від. ВУАН. 1929. Кн. 25. С. 333—334; 2) Библиография. С. 119—125; Орлов. С. 142—146; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 183—192; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 382—385; Щеглова С. А. Разночинно-демократический театр нач. 18 в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 280; Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 94, вып. 8. С. 3—45; Кошну W. Das Deutsche Volksbuch vom Kaiser Octavian in Polen und Russland. Berlin, 1967; Итгина Л. А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы // 18 век. Л., 1974. Вып. 9. С. 330; Малек Е. Staropolska proza nagrasujna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 32—62; Ведерикова [Чалкова] Т. Ф. 1) О специфике структуры и жанра Повести о царице и львице // Материалы 21-й Всесоюзной научной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1983. С. 66—71; 2) О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98—113.

Л. В. Соколова

Повесть об Азове особая посвящена событиям, происшедшим между 18 июня 1637 г. (взятие донскими казаками Азова) и 24 июня 1641 г. (начало осады Азова турецким и татарским войском). Война с Персией помешала султану Мураду IV начать военные действия против казаков в 1637 г. В 1638 г. по его приказанию под Азов двинулся крымский хан Бегадыр Гирей с татарами, ногаями и черкесами. Турки поддерживали их с моря, сосредоточив в Керченском проливе до 60 крупных судов. Войско Донское вступило с ними в бой на 40 стругах с двумя тысячами казаков, но было разбито. В августе 1638 г. татары осадили Азов, но, не владея опытом осадной войны, успеха не добились и под ударами казаков вынуждены были уйти из-под города.

П. состоит из двух частей. Первая имеет заглавие «Повесть о чудесах божиих, святого пророка и Предтечи Иоанна, о прочих святых». В ней читается запись о нескольких чудесах, происшедших в Азове. 24 декабря 1640 г. образ Иоанна Предтечи «испустил слезы от очию своею до конца брады своея» (об этом чуде упоминается в *Повестях об Азове Документальной и Поэтической*); казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым отслужили по этому поводу молебен и устроили крестный ход. В это же время от образа Иоанна прозрел казак Еунтропий (возможно, это имя значимое, *ἐστρόπια* по-гречески — увертка, уловка), наказанный слепотой за нарушенное обещание, освободившись из турецкого плена, постричься в Чернеевом монастыре св. Николая. Тем самым он отступил от принятого у донских казаков обычая после плена у неверных пройти очищение в монастыре. 27 июня богородица, явившись кому-то во сне («Пречистые богородицы видение во сне»), приказала взять ее образ из церкви

Иоанна Предтечи и поставить «на углу среднево города от верхние стены в победу поганым, нашедшим на град Азов». 6 августа было видение казаку — во сне ему явился образ св. Василия Кесарийского из деисуса, побывавший в руках у поганых, которые «перетерли» его «на полы» плотою; перед образом надо было поставить «свещу большую поставную». 16 августа казаки видели во сне образы Алексея, человека божия, и Максима, московского юродивого, оказавшиеся в часове среди ветхих образов. Они сказали, что посланы из Москвы на помощь казакам. Эти, казалось бы, не связанные между собой записи преследуют единую цель — показать, что пребывание казаков в Азове поддержано небесными силами, угодно святым и богородице. В том, что в Азове оказались чудотворные образы московских святых, был скрыт намек на необходимость помощи казакам со стороны московского правительства.

Вторая часть П. вводится словами: «И после того Азовского взятия». Это также погодные записи отдельных событий — удачного похода казаков «стругом на море» в 1637 г., похода весной 1638 г., когда казаки на стругах оказались хитростью крымского хана запертыми в лимане (А. С. Орлов считает, что речь идет о бое в Одыхонском, или Духонском, лимане под Таманью — РИБ. Т. 18. Донские дела. 1. Стб. 885). Часть казаков попала в плен, а части удалось освободиться и бежать в Азов. Хронологически следом за этим известием идет сообщение о приходе крымского хана под Азов и история осады 1638 г. («А он, безбожный агарянин, похитив, аки лютый волк, безлюбивых агнец, и пришел под Азов со своею силою великою»). Однако хронологическое изложение событий перебито сообщением о взятии казаками в 1639 г. большого турецкого корабля, оно известно также из войсковой челобитной от 21 ноября 1639 г. (Донские дела. 1. Стб. 984). О том, что в П. это известие находится не на месте, свидетельствует окончание статьи «и сия до зде».

В Особой П. большое место занимают переговоры казаков с крымским ханом, подтвержденные и документами (Донские дела. 1. Стб. 769; РИБ. Т. 24. Донские дела. 2. Стб. 121—122). Характерна для татарской дипломатии клятва, которой крымский хан обманул казаков, «выяв свою саблю из ножен, та бы де сабля от ваших рук на моей шее была». Переговоры происходят и во время осады, когда крымский хан сначала угрожает казакам, а затем пытается их подкупить. Близость к документам и эмоциональная живая речь, несмотря на ее лаконизм, придают П. черты выразительности и достоверности.

Обе части П. отличаются пристрастием к хронологической точности и по жанру близки к летописным записям. Существовал ли у донских казаков летописчик, пока неизвестно. Но при наличии активной канцелярской практики и развитой дипломатической традиции возможно, что кто-либо из казачьих писателей такой летописчик составлял, подобно «кроничке казацкой» запорожских казаков и «Написанию» казаков сибирских. Именно такие летописные записи могли отразиться в Особой П. Тогда следовало бы поменять местами ее части и «Повесть о чудесах», согласно хронологии, поместить после записей о боевых эпизодах и татарской осаде.

Особая П. дошла до нас в одном списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1556, вторая половина XVII в. В этой же рукописной тетради тем же почерком переписана вторая редакция *Повести о двух посольствах*. Возможно, что соседство с *Повестью о двух посольствах*, написанной в Посольском приказе, означает, что Особая П., вышедшая из канцелярии казачьего войскового круга, бытовала и сохранялась в среде Посольского приказа.

Изд. Особая повесть об Азове 1637—1651 гг. / К изд. пригот. и объяснил А. Орлов. [Б. м.], 1907.

Лит. ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 260—262.

М. Д. Каган

Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная завершает цикл Азовских повестей. Она создавалась в 70—80-х гг. XVII в. совсем в других условиях, чем ее предшественницы. Донское казачество перестало быть военной корпорацией относительно равных и свободных людей. Оно разделилось на зажиточных низовых и голутвенных верховых казаков.

Азовская эпопея в конце XVII в. становится легендой, она возрождается в литературе на легендарной основе. В Сказочной П. соединен рассказ о взятии Азова с историей его осады. Основной список носит заглавие: «История о азовском взятъе и осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков, атамана Наума Васильева и есаула Ивана Зыбина с товарищы, лета 7135 году» (дата ошибочна). Автор Сказочной П. использовал в своем произведении некоторые мотивы Исторической повести, ввел в нее большой фрагмент из *Поэтической* повести, изменив при этом характерное для Сказочной П. повествование от третьего лица на прямой рассказ («И мы, казаки. . .»). Однако эта литературная основа дополнена большим количеством легенд, устных преданий, песен, почерпнутых из казачьего фольклора. На легендарных мотивах и строится сюжет П. Прологом служит история пленения дочери азовского паши, предназначенной в жены крымскому хану Старчию, за которую казаки получают большой выкуп. Казаки берут Азов хитростью, проникнув в город под видом купцов, спрятав на возах вооруженных казаков. Этот мотив встречается в украинских и русских народных песнях, в частности и в песнях о Степане Разине (см., например: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Памятники русского фольклора. Л., 1977. Т. 1. С. 89, № 46 — «У нас было, братцы, на святой Руси» (сер. Памятники русского фольклора)). Рассказ об осаде Азова турками насыщен множеством эпизодов — о пленении казаков, хотевших спрятать на острове табун коней; о казачьих вылазках, во время одной из которых казаки, переодетые в турецкое платье, проникли ночью во вражеский лагерь, убили крымского хана Старчия, захватили богатую добычу и боевые знамена; об устройстве механизма, при помощи которого осажденные таскали на городские стены подкапывающихся под них турок («что снопы из-под стен на ужищах кверху летают»); о гибели есаула Ивана Зыбина, тело которого турки привязали к коню, и пр. Большинство эпизодов — несомненный вымысел, но часть из них соответствует действительности и известна из воспоминаний участников осады.

Если автор *Поэтической* повести выступал от лица всего Войска Донского, то в Сказочной П. уже действуют отдельные персонажи — атаман Наум Васильев, есаул Иван Зыбин, его жена-турчанка, оплакивающая гибель мужа, безымянные казаки, участвующие в боевых эпизодах. Как и в ранних повестях об Азове, в Сказочной П. фигурируют «небесные силы» — Иван Предтеча, Николай чудотворец, богородица, приходящая к шатру царя Брагима и угрожающая ему: «Ой, еси, злочестивый царю, поганый! Доколе тебе людей божьих томити? Да изыдеши отсюда, дондеже не умреши смертию», отчего царь «весь ужасеся и нача трепетатися». Вмешательством небесных сил и объясняется внезапное бегство турок из-под Азова. Казаки захватывают богатые трофеи, а затем, выполняя свое обещание, покидают Азов, основывают монастыри Ивана Предтечи, Николая чудотворца, ставят на Дону три города. Так интерпретировались в Сказочной П. события, завершившие азовскую эпопею.

Автор П. прибегает как к литературным приемам книжной прозы, так и к элементам народной поэзии и — отчасти — к разговорной речи. А. С. Орлов полагал, что он — русский писатель, знавший Азовские повести и знакомый с казачьим фольклором и бытом, что было очень возможно при интенсивном общении деловых и дипломатических кругов Московского государства с Войском Донским. А. И. Соболевский, а за

ним и А. Н. Робинсон склонялись к мысли, что автор скорее всего выходец из казачьей среды, а сама П. написана на Дону.

Сказочная П. не преследует каких-либо злободневных агитационных целей. Большую роль в ней играет вымысел, характерный для жанра исторической беллетристики второй половины XVII в. Усилия автора направлены на формирование занимательного и развлекательного сюжета, правдоподобие достигается подбором бытовых деталей. Сказочная П., являясь памятником древнерусской литературы, носит некоторые черты вымышленного беллетристического произведения нового времени.

Исследователи Сказочной П. А. С. Орлов и А. Н. Робинсон подразделяют ее тексты на две редакции. Первая редакция — ГБЛ, собр. Ундольского, № 795, конец XVII в.; ГПБ, собр. Погодина, № 1631, 1825 г.; ГИМ, Музейское собр., № 42779, конец XVIII в. Вторая редакция — ГПБ, собр. Титова, № 2283, начало XIX в. и рукопись, принадлежавшая Е. В. Барсову (нынешнее местонахождение неизвестно; опубликована: Рыбников). Вторая редакция возникла после 1740 г. и восходит к первой редакции полного вида, но имеющей некоторые черты и ошибки, типичные для списка ГИМ, Музейское собр., № 42779. Н. И. Сутт пытался представить Сказочную П. как пятую редакцию Поэтической повести, лишая этот оригинальный литературный памятник самостоятельного значения.

Изд.: Взятие Азова донцами в царствование Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1864. Кн. 3. Отд. 5. С. 12—17 (список из собр. Титова, № 2283); Рыбников. С. 169—184 (список Е. В. Барсова); Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 83—112, 227—243, 265—266 (первая ред., изд. текста, археографический обзор, коммент., ст. А. Н. Робинсона).

Лит.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года / Исслед. и текст. Варшава, 1906; Соболевский А. И. Отзыв о сочинениях А. С. Орлова // Отчет о сорок девятом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1909. С. 466—469; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2. С. 13, 47; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 267—270.

М. Д. Казань

Повесть об Азовском осадном сидении документальная 1641 г. в первоначальном виде носила заглавие «Сказание о приходе Крымского царя и турецких пашей и о их приступех ко граду Азову» и подзаголовок «Список с записки с распросных речей слово в слово». Место П. в Азовском цикле не совсем ясно. А. С. Орлов, основываясь на ее сходстве с *Поэтической* повестью, считал Д. п. непосредственно предшествующей *Поэтической*, ее источником. А. Н. Робинсон, исследуя различия обоих произведений, считает Д. п. независимой от *Поэтической*, а их различия объясняет разными документальными основами: *Поэтическая* повесть построена на материале казачьей отписки, Д. п. — на распросных речах, представляет собою литературно обработанную выписку из бумаг Посольского приказа, содержащих записи речей. Ни записка казаков, ни распросные речи не сохранились в подлиннике. Содержание их передано в царской грамоте, отправленной на Дон в декабре 1641 г., и в Азовских повестях. Так, именно на распросные речи указывает концовка вступления Д. п.: «. . . и в Посольском приказе про всякие вести по государеву указу печатник и думный дьяк Федор Федорович Лихачев их роспрашивал, а в роспросе сказали атаман с товарищи». Особенностью распросных речей, сохраненных в тексте Д. п., является изложение от третьего лица с частым употреблением частицы «де»: «И они де атамань и казаки. . .»; «А их де атаманов и казаков. . .».

Для Д. п. характерно отсутствие лиризма, эмоционально-экспрессивной прямой речи, образных сравнений. Все это позволило говорить о ее невысокой ценности как художественного произведения. Однако она замечательна лаконичной, точной и полной передачей главнейших со-

битый героической трехмесячной осады Азова — с 24 июля по 26 сентября 1641 г., во время которой казаки отразили 24 штурма, 16 подкопов, выдержали артиллерийские обстрелы, когда турки в течение шестнадцати дней делали «по тысени по шти сот выпусков», сбив городовые стены и башни, разбив церкви и дома «по подошву». Потеряв три тысячи из пяти, защитники Азова тем не менее не согласились сдать Азов туркам за большой выкуп. Так же кратко рассказано о чудесах, сопровождавших осаду. Казаки видят во сне «жену прекрасну в багряной ризе» — богородицу, «мужа древна, власата, боса» — Иоанна Предтечу, «их, атаманов и казаков, от иноплеманных от поганых заступающа и на поганья помогающа». От образа Иоанна Предтечи, «от суха древа» струей текут слезы.

По-видимому, Д. п. была написана вскоре по приезде «станицы» Наума Васильева в Москву в октябре 1641 г., после того как в Посольском приказе были составлены расспросные речи. В период подготовки Земского собора 1642 г. она должна была сыграть определенную роль в агитации за принятие Азова под царскую руку и оказание казакам военной помощи. Однако, когда обсуждение азовского вопроса стало особенно гласным и была распространена официальная правительственная «роспись», такого краткого сочинения, каким была Д. п., оказалось недостаточно, чтобы повлиять на общественное мнение, и казаки заменили ее эмоционально и художественно выразительной Поэтической повестью.

А. С. Орлов делит тексты Д. п. на три вида. Первый сохранился в наибольшем количестве списков — Орлов называет около десятка рукописей XVII в. Второй вид отличается от первого заглавием и новыми сведениями — в начале текста кроме Федора Лихачева назван Григорий Львов, в конце текста рассказано о гибели бежавших на море турок и взятии казаками их катарг с добычей, — а также характерными для этого вида некоторыми разночтениями. Третий вид, сокращенный, имеет два извода: первый, читающийся в Летописи о многих мятежах, второй — в Латухинской степенной книге.

Изд.: Летопись о многих мятежах. СПб., 1771. С. 371—373 (статья «О граде Азове, како взят»); Попов. Изборник. С. 392—394; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 69—91; Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 375—377.

Лит.: Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Учен. зап. МГУ. 1946. Кн. 2. С. 44—47 (Труды кафедры русской литературы. Вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 30—31; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 263.

М. Д. Каган

Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая занимает по своему значению центральное место среди произведений, повествующих о взятии Азова и успешной борьбе донских казаков с осаждавшей крепость турецкой армией. Осада началась через четыре года после взятия казаками Азова, потеря которого изменила положение турецких сил на северо-востоке Османской империи, лишившейся базы для нападения турок и татар на окраины Московского государства. Почти 300-тысячное войско в июне 1641 г. осадило город, где находился 5-тысячный гарнизон казаков. Несмотря на неравные силы казаки отражали приступы турок, татар и европейских («немецких») наемников. Отсутствие единого командования, огромные потери, истощение запасов, приближение зимы заставили турецкую армию 26 сентября снять осаду именно в тот момент, когда падение Азова казалось его защитникам уже неизбежным.

История осады изложена в П. п. исторически точно, что подтверждается не только документами, составленными в канцелярии Войска Донского, но и записками турецкого путешественника Эвля Эфенди, находившегося в лагере осаждавших Азов (Записки Одесского о-ва истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8).

Положение казаков оставалось крайне тяжелым, вторую осаду они выдержать уже не смогли бы, поэтому они обращаются к царю с просьбой взять Азов под свою царскую руку и прислать в него русский гарнизон, который бы сменил израненных защитников. 28 октября 1641 г. в Москву приезжает казачья «станица» из 24 человек во главе с атаманом Наумом Васильевым (фигурировавшим в *Повести об Азове Особой*), чтобы вести переговоры об Азове. Они привезли казачью отписку с изложением истории осады и обоснованием своей просьбы. Документ этот до нас не дошел, но он довольно полно отражен в царской грамоте, которая читалась на соборе в январе 1642 г. До собора вопрос, принимать ли у казаков Азов, широко обсуждался в правительственных и общественных кругах. По рукам ходила официальная «роспись», передающая содержание казачьей отписки. Вероятно, в это время и была написана П., призванная художественно-эмоциональными средствами подкрепить позицию казаков. П. — литературный «близнец» войсковой отписки, использующий форму казачьего документа. Участники казачьего посольства были лишены в Москве свободы передвижения и не допущены на собор. Они имели доступ только в Посольский приказ. Но именно здесь в конце XVI—начале XVII в. были написаны так называемые посольские повести — литературно-публицистические произведения, имитирующие форму статейных списков, посольских грамот, курантов. Тематическая и жанровая близость П. к этим памятникам позволяет думать, что именно знакомство автора П. с этой литературой повлияло на выбор формы документа для П., тем более что профессиональные писательские навыки войскового канцеляриста были близки к практике служащего Посольского приказа, в среде которого и начала свое бытование П. п.

С большой долей вероятности автором П. п. можно считать члена посольства в Москву есаула и войскового дьяка Федора Ивановича Порошина, составителя подлинной отписки. Этот грамотный, хорошо начитанный человек был в прошлом холопом князя *Н. И. Одоевского* (крупного государственного деятеля, впоследствии редактора «Уложения» царя *Алексея Михайловича*). Возможно, именно на службе у Одоевского Порошин приобрел знание литературы и писательские навыки, пригодившиеся ему в деятельности казачьего канцеляриста и писателя. Причина бегства его на Дон неизвестна. 28 сентября 1640 г., в период подготовки обороны Азова, Порошин пишет царю отписку, в которой в довольно смелом тоне высказаны соображения о необходимости помощи со стороны Москвы и принятия Азова в царскую отчину. Отписка вызвала гнев царя и расследование. Написание П. п. привело к окончательной гибели Порошина. После приема царем 19 февраля 1642 г. турецкого посольства было решено в войну с турцией из-за Азова не вступать и казакам Азов покинуть. Царь щедро наградил казачью станицу. Возвращение же на Дон Федора Порошина, рьяного защитника идеи принятия Азова в Московское подданство, что шло вразрез с официальной политикой мира с Турцией, представлялось опасным. Правительство, вспомнив его старые вины, указом от 21 февраля лишило его царского жалования и сослало в Сибирь.

П. п. — публицистическое произведение, в котором политические вопросы занимают одно из главных мест: взятие Азова рассматривается не только как избавление Московского государства от набегов татар и турок, но и как предпосылка для окончательного разгрома Турции и освобождения Иерусалима и Константинополя. В П. п. обнажены те социальные и политические противоречия, которые в предыдущих повестях цикла еще не сформулированы. Во-первых, это двойственное положение казаков, с одной стороны — защитников южных границ, «Дону славного рыцарей знатных», но с другой стороны — беглых холопов, которых «на Руси не почитают и за пса смердящего». Во-вторых, двойственная и вероломная политика московского правительства, использовавшего военные

силы казаков, поддерживающего их хлебом, деньгами, порохом, но отрезающегося от открытой политической поддержки в дипломатических переговорах с султаном, — намек на эту позицию вкладывается в П. в уста турецких послов. С одной стороны, высказана вражда казаков, бывших холопов, к правящим классам; с другой стороны, прославление русского государства и наивная идеализация царя Михаила вольными донскими казаками. Намерение израненных и увечных защитников Азова основать монастырь, где игуменом станет их атаман, а строителем — есаул, — не эффектная литературная концовка П., а отражение подлинной бытовой ситуации: казаки действительно имели два монастыря, в которых, как правило, кончали жизнь члены этой военной корпорации.

П. п. написана талантливым писателем, создавшим произведение большой художественной ценности. В нем умело соединены формы чисто деловой письменности, живая устная речь в переговорах казаков с турецкими послами, приемы эпического повествования. Трагические эпизоды обороны Азова давали автору возможность придать казакам черты былинных богатырей. В описании боевых действий автор применяет традиционные формулы воинских повестей, придающие произведению торжественность (отмечено психологическое действие страшной турецкой трубной музыки перед штурмом, приведено сравнение стрельбы с громом и молнией, тяжесть несметного турецкого войска передана картиной прогибающейся земли и выступившего из берегов Дона, и пр.). Возможно, что здесь сказало влияние художественных приемов «Сказания о Мамаевом побоище», — кстати, хорошо известного в Посольском приказе. Стиль воинских повестей объединяется с мотивами и образами фольклора, отчасти воспринятыми из литературных памятников типа «Сказания о Мамаевом побоище», но во многом почерпнутыми из типично казачьего устного творчества. Это образы птиц и зверей, реагирующих на события, сравнение вражеского войска с лесом, внезапно выросшим в степи, а шатров осадного лагеря — с горами. Издевательски соглашаясь «служить» султану, казаки обещают служить ему «пищальми казачьими, да своими сабельки вострыми» — «убить бы . . . вашего Обрагима царя». Фольклорным можно считать и лирическое предсмертное прощание казаков с царем, церковными властями, лесами и дубравами, морями и тихим Доном Ивановичем, очень близкое казачьим песням и народным плачам. Обращение автора к формулам воинских повестей и фольклору предопределило и речевой строй текста.

Исследователь П. п. А. С. Орлов разделил списки произведения на четыре редакции. Первая редакция была ему известна в списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, конец XVII в., не имеющем конца. Орлов ошибочно обозначил несколько неполных списков, с которыми познакомился, когда исследование было уже закончено, пятой редакцией. Однако они представляют собою второй вариант первой редакции, как это установил А. Н. Робинсон, найдя полный список этого вида — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 435. По этому списку восстанавливается недостающий конец П. Оба варианта первой редакции близки между собою, но восходят к разным протографам. По определению А. С. Орлова, все редакции П. п. восходят к одному прототицу, но ни одна не передает его точно. Вторая редакция почти тождественна первой, за исключением конца, — в ней нет участия в победе казаков небесных сил. Для третьей редакции характерны распространения, перестановки и повторения текста. Четвертая редакция, сокращенная, по-видимому восходит к тексту, близкому к третьей редакции. В 1939 г. Н. И. Сутт пытался пересмотреть классификацию А. С. Орлова и предложил считать вторую редакцию первой, а первую — второй. Однако дальнейшее исследование П. п., проведенное А. Н. Робинсоном, и находки новых списков подтвердили правильность схемы соотношения редакций А. С. Орлова.

Изд.: Рыбников. Прил. С. XI (четвертая редакция); Некрасов И. О современных задачах изучения древнерусской литературы: Речь, произнесенная на торжественном акте Новороссийского университета. Одесса, 1869. Прил. С. 25—27 (третья редакция); Буслаяв. Русская хрестоматия, 1877. С. 270—288 (сводный текст); Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 92—155, 165—236; Военские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59—81, 187—227, 261—265, 274—279, 314—330 (первая ред., изд. текста, археографический обзор, коммент., ст. А. Н. Робинсона); Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 54—73, 215—234, 366—375 (изд. текста, пер., ст. В. К. Митрофановой).

Лит.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове: Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 22—23; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2; Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Кн. 2. С. 43—71 (Труды кафедры русской литературы. Вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 24—59; 3) Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове // Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ. 1948. Вып. 5. С. 65—70; 4) Жанр Поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 98—130; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 262—266; История древней русской литературы / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1950. С. 360—367; Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254.

М. Д. Каган

Повесть об Андрее Критском (в рукописной традиции встречаются разные варианты заглавия: «Слово святого Андрея, епископа Крицкаго»; «Месяца июля в 4 день. Житие иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критскаго»; «Слово на память иже во святых отца нашего Андрея Критскаго»; «Месяца июля в 4 день иже во святых отца нашего Андрея Критскаго слово о рождении и о житии его»; «Слово о Андрее Критском в четверток 5 недели Великого поста»; «Чюдо. . . Андрея Криц[к]аго от рожества его и до смерти»; «Слово святого Андрея Крицкаго чудотворца»; «Житие святого Андрея Критского, како уби отца и взя за себя матер»; «Сказание о Андрее Критском, како отца своего убил, а мати свою себе взял») — анонимное произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (см. *Повесть о папе Григории и Сказание Иеронима о Иуде Предателе*). По классификации В. Я. Проппа, представляет собой особый тип инцестуального сюжета, наиболее полный и близкий к «Эдипову сюжету» (Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 260). В отличие от других повестей о кровосмесителе появляется не ранее XVI в. (так датируется древнейший список П. в БАН УССР, ДА/17.581) и только у восточных славян.

П. активно переписывалась до середины XIX в. — в настоящее время выявлено 47 списков. Причины этой популярности те же, что и другого древнерусского произведения на «Эдипов сюжет» — повести о папе Григории: «повышенная драматичность содержания, соединенная с острой занимательностью фабулы, исключительность событий и ситуаций, характеризующих течение повести» (Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 147).

Вопрос о происхождении П. в дореволюционных исследованиях (после 1915 г. специальных работ о памятнике не появлялось) решался двояко. Ряд исследователей (В. Дидерихс, А. Н. Веселовский, М. П. Драгоманов) считали его источником недошедший византийский оригинал, а также его пересказ на славянском Юге, основывая свои предположения лишь на «нерусском имени» отца главного героя П. («Поуливач») в единственном известном в то время списке, опубликованном Н. И. Костомаровым в ПЛ. Н. К. Гудзий, напротив, допускал возможность создания П. на русской почве. Все эти предположения строились на основании случайного списка, без привлечения данных текстологии. Текстологическое изучение П. (на основании 35 списков) показало, что имя «Поуливач» является особенностью только двух, явно вторичных списков (ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 68,

начало XIX в.). Наиболее близка к архетипу памятника его краткая редакция (в чистом виде представленная древнейшим списком П.), где имена вообще отсутствуют, кроме имени главного героя.

Краткая редакция — лаконичное, сухое, почти конспективное повествование — в жанровом отношении близка к религиозной легенде. Возникла она в результате осложнения сюжетной схемы «Иуды Предателя» мотивами «Папы Григория» и сюжетами о кающемся разбойнике — «Разбойник Мадей» и «Два великих грешника» (см. статью Н. К. Гудзия) и была затем приурочена к имени византийского церковного писателя VII в. Андрея, архиепископа Критского, под влиянием его самого известного творения — Великого покаянного канона (освященная церковью биография святого — ВМЧ под 4 июля — не имеет ничего общего с «Эдиповым сюжетом»). Вероятно, именно исповедь безымянного грешника — героя канона, отождествляемого в восприятии слушателей и читателей с его автором (многие мотивы этой исповеди перекликаются к тому же с эпизодами религиозной легенды), послужила отправным толчком к созданию апокрифической «биографии» Андрея Критского. В дальнейшем к тексту Великого канона неоднократно обращаются создатели последующих редакций П. об А. К.

Недостаточная изученность других предполагаемых источников П. об А. К. — «Легенды Иеронима» и повести о папе Григории, а также литературных и фольклорных обработок сюжетов о кающемся разбойнике не позволяет дать окончательный ответ на вопрос о происхождении памятника. Однако их предварительное рассмотрение показывает, что ко времени появления религиозной легенды об Андрее Критском эти произведения были известны на Руси: есть указания на русские тексты «Папы Григория» и «Иуды Предателя», датированные XVI в. (Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 88 и 104), литературные обработки сюжетов о кающемся разбойнике входят в состав «Синайского патерика» (слово 156) и *Пролога*. Некоторые мотивы религиозной легенды можно найти и в других произведениях древнерусской литературы и фольклора, например в «*Измарагде*» («Слово о некоем человеке блудном»); мотив о заточении в погреб встречается в духовном стихе о святом Георгии и некоторых былинах. Все это, а также отсутствие в тексте религиозной легенды иностранных реалий или варваризмов, неясное представление ее создателя о месте действия П. (отсюда появление мифического «града Крита»), явственно ощутимый в П. сказочный элемент придают убедительность гипотезе Н. К. Гудзия об оригинальности русской П. об А. К.

Дальнейшее развитие П. в XVII—XVIII вв. было обусловлено острой занимательностью ее сюжета, допускающего детализацию и распространение отдельных эпизодов, а также влиянием других произведений о кровосмесителе и фольклорных обработок того же сюжета. Распространенная редакция П. (дошла в 30 списках, наиболее ранний — начала XVIII в.), возникшая на рубеже XVII—XVIII вв. и представленная одиннадцатью вариантами, характеризуется расширением и углублением сюжетной схемы краткой редакции, детализацией эпизодов, едва там упомянутых, психологической мотивировкой поступков персонажей, активным введением прямой речи. В результате рельефнее становится богословская идея произведения (всесильность покаяния), неоднократно варьирующаяся в ходе повествования, и одновременно приобретает отчетливость и индивидуальность характер главного героя.

Этот процесс особенно заметен на примере дальнейших обработок П. — так называемых особых редакций. Вторичные особые редакции памятника («саратовская» и «московская»), представленные каждая единственным списком (Саратовский гос. университет, собр. Шляпкина, № 7 и 12 (379), конец XVIII в. и ГИМ, собр. Вахрамеева, № 436, 2-я половина XVIII в.), являются независимыми друг от друга вольными обработками распространенной редакции (возможно, через устные пересказы). Эти

редакции отличает несомненная тяга их авторов к светским эпизодам П., к мирским и даже предосудительным описаниям, а богословская идея отступает при этом на второй план. Сильной фольклоризации подвергается сюжетная схема краткой редакции (независимо от списков распространенной редакции) в сохранившейся лишь в составе авторского сборника (ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 252, 1-я треть XVIII в.) особой редакции П. (уделела лишь первая половина ее текста).

П. об А. К. (особенно в своей распространенной редакции) являет собой пример перехода от старых жанров (чудес и житий) к занимательной повести и новелле нового времени. Образ главного героя П., сочетающего в себе потенциальные возможности как великого грешника «паче всех человек», так и «избранного сосуда божия», интересен как одна из первых в русской литературе попыток изобразить многомерный и противоречивый человеческий характер, не скованный рамками этикетных формул.

В дальнейшем П. об А. К., оказавшая влияние на поздние редакции повести о папе Григории (Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории. С. 178, 181) и «вторую редакцию» «Легенды Иеронима о Иуде Предателе» с последовательной положительной трактовкой главного героя (Франко Ж. Апокрифі і легенди з українських рукописів: Апокрифі новозавітні. А. Апокрифічні евангелія. Львов, 1899. Т. 2. С. 346—348), уходит в фольклор, где исчезает изначальная христианская идея произведения и оно окончательно превращается в занимательный рассказ.

Изд.: ПЛ. Вып. 2. С. 415—417; Гудзий Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. № 1. С. 3—34.

Устные варианты: Мария Египетская // Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край и т. д. Юго-Западный отдел. СПб., 1872. Т. 1. С. 182—183; Сила покаяния. Кровосмеситель. (Андрей Первозванный) // Драгоманов М. Малороссийские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 130—131; Андрей Критский // Е. Р. Романов. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 162; Аб Андрее Критском // В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 269—270; Иб Андреи Привозванным // Там же. С. 270—272; Грихы // Б. Д. Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1. С. 63—66; Убийник власного батька // Етнографічний збірник. Львов, 1902. Т. 13. С. 145—146; Fedego wski M. Lud Bialoruski na Rusi Litewskiej. Krakow, 1902. Т. 2, ч. 1. S. 310—311; Грим // Матеріяли до української етнології. Львов, 1909. Т. 11, вып. 2. С. 12—15; Про купецкого сына // Сборник великорусских сказок архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 526—528.

Лит.: Костомаров Н. И. Легенда о кровосмесителе // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 303—311; Diederichs V. Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue. СПб., 1880. XVII. N 9. S. 119—146; Веселовский А. Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // ЖМНП. 1885. Т. 239. № 6. С. 231—237; Драгоманов М. П. Славянские преправки на Едиповата история. София, 1891. Отд. оттиск из изд.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 11; Фотинский О. А. К литературной истории южнорусских апокрифов // Волинский историко-археологический сборник. Житомир, 1896. Вып. 1. С. 5; Св. Андрей Критский по церковному преданию и народному легендарному сказанию // Руководство для сельских пастырей. 1900. № 1. С. 254—257; Соколов М. И. Резюме доклада о принадлежащем ему сборнике повестей нач. XVIII в. // Древности. Слав. Т. 3. С. 4; Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана: Сборник Харьковского Историко-филологического общества, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 244—246; Назаревский. Библиография. С. 43—45; Мимонова М. Н. К проблеме происхождения повести о Андрее Критском // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977. С. 115—125.

М. Н. Климова

Повесть об Аполлонии Тирском, переведенная на русский язык в XVII в. в составе сборника «Римские деяния», восходит к латинской «Истории об Аполлонии Тирском», оригиналом которой был, по общему

признанию, несохранившийся позднеэллинистический роман II или III в. н. э. П. получила очень широкое распространение в средневековых литературах как на латинском языке, так и в переводах. Во многих европейских странах она была известна в нескольких редакциях и обработках, причём авторами некоторых из них были такие писатели, как Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадский и др.

Первооснова славянских версий П. — чешский роман, возникший в XV в. Происхождение его до конца не выяснено. Немецкие ученые Зингер (S i n g e r S. Apollonius von Tyrus: Untersuchungen über das Fortleben des antiken romans in spätern Zeiten. Halle, 1895) и Клебс (K l e b s E. Die Erzählung von Apollonius aus Tyrus. Berlin, 1899) считали, что оригиналом для чешского редактора был какой-то немецкий текст. Однако более убедительной представляется точка зрения Ю. Поливки, Н. Нильссона и др., считавших чешский роман самостоятельной обработкой латинского текста. Чешский протограф находился, по мнению Н. Нильссона, под сильным влиянием рыцарских романов, но в последующих редакциях рассказ во многом воспринял сказочную поэтику. Польский перевод П., почти дословно следующий чешскому оригиналу, позднее был включен в сборник «Historie rzymskie» («Gesta Romanorum») при переводе этого сборника с латинского языка. Таким образом, в сборник «Historie rzymskie» вошла не латинская редакция П. об А. Т., а славянская обработка одной из латинских редакций. В середине XVII в. «Historie rzymskie» были по крайней мере дважды переведены на русский язык, в одном случае через посредство белорусской, а в другом, видимо, через посредство украинской письменности. О русских переводах сборника см. «Римские деяния» (далее: РД).

Текст П. об А. Т. в составе первого русского перевода РД (ред. РД-1) изобилует полонизмами. Сборник РД-1 издан, но едва ли не по самому плохому списку. Текст второго русского перевода П. в составе РД (ред. РД-2) известен нам по единственному списку — ГИМ, собр. Уварова, № 555 (в сборнике всего 6 глав). Если первый перевод РД был сделан со сборника первой польской редакции, то в основе второго перевода РД лежит вторая польская редакция, по словам А. Брюкнера, «модернизированная и сокращенная» (B r ü c k n e r A. Zvej polnische Uiccate der Baurischen Staatsbibliothek // Arch. f. sl. Phil. 1927. Bd 41. S. 161—168).

П. об А. Т. ред. РД-2 отличается типично русскими языковыми чертами, но, по-видимому, это не первоначальный этап развития текста, а уже русифицированный и несколько видоизмененный. На эту мысль наводит существование западнокарпатской рукописи Ст. Самборины (см. о ней: Ф р а н к о Ив. Карпато-руське письменство XVII—XVIII веков. Львів, 1900. С. 92—95), которая, судя по составу сборника, порядку следования глав и их названию, так же как и РД-2, передает текст второй польской редакции и при этом отличается, по словам Ю. А. Яворского, рабским следованием оригиналу (Я в о р с к и й Ю. А. Повести из «Gesta Romanorum» в карпато-русской обработке конца XVII в. Прага, 1929. С. 5, примеч. 3).

Если две указанные редакции П. об А. Т. в составе РД являются словными переводами польской повести, то третья редакция, существующая как отдельная повесть (в два сборника РД — ГБЛ, Музейное собр., № 490 и ГБЛ, собр. Ундольского, № 913 — она была включена позднее), представляет собой близкий к тексту РД, но свободный пересказ П., с иной трактовкой и в иной стилистической манере. Н. С. Тихонравов, опубликовавший текст этой редакции, по традиции называемой Тихонравовской (далее: ред. Т), предполагал, что это особый перевод П., и не с польского, а с чешского языка. Однако позднее было доказано, что ред. Т — это не самостоятельный перевод, а оригинальная переработка редакции, входящей в состав РД. При составлении ред. Т (в 60-х—начале 70-х гг. XVII в.) были использованы оба перевода П. в составе РД. За основу была взята

ред. РД-1, а точнее, Спарвенфельдовский вид этой редакции, что следует из обнаруженного Н. Нильссоном сходства ред. Т со списком П. в неполной рукописи РД-1 из собрания Спарвенфельда в Швеции. Ред. РД-2 была использована как дополнительный источник.

Тихонравовскую редакцию с полным правом можно считать самостоятельной русской обработкой П. об А. Т. Переработка П., на первый взгляд незначительная и представляющаяся чисто стилистической, при более внимательном наблюдении оказывается настолько существенной, что влечет за собой жанровую переориентацию П. Приключенческий роман приобретает в новой редакции учительную трактовку в духе христианской морали и превращается в связи с этим в роман дидактический. Происходит это в результате следующего. Во-первых, автор ред. Т стремится внести в произведение религиозно-христианскую идеологию; в П. меняется концепция жизни. Мысль о том, что все происходит в жизни людей по воле всемогущего бога, сформулирована уже в заглавии П. ред. Т и затем настойчиво подчеркивается на протяжении всего повествования. Во-вторых, автор ред. Т использует «агиографический» метод изображения персонажей. Он состоит в абстрагировании от всех черт индивидуального характера, в идеализации отдельных героев, которые должны служить примером поведения, в приписывании им христианских добродетелей. Жанровой переориентации романа об Аполлонии из приключенческого в дидактический способствует, в-третьих, стиль ред. Т. Приключенческий сюжет пересказан здесь языком церковно-учительной литературы с использованием в отдельных случаях особенностей «высокого» стиля, что настраивало читателя на восприятие этого произведения не как развлекательного, а как «душеполезного», «доброе» чтения. Дидактическая редакция П. об А. Т. не была исключением. В XVII в. были созданы дидактические редакции и других переводных романов, например романа о Петре Златых Ключей («агиографическая» редакция), об Оттоне и Олунде (Повесть о царице и львице), Троянской истории («печатная» редакция) и др. Цель их создания — перевести светские повести, повышенный интерес к которым обнаруживается в XVII в., в разряд церковной «душеполезной» литературы. Авторами дидактических редакций были, по всей видимости, представители монашества, представители старой литературной традиции («традиционалисты»). Об этом свидетельствует, в частности, их отношение к истории, отражающее историсофскую концепцию: историю они ценили за душеполезность, за то, что она врачует душу, в отличие от «западников», для которых история была интересна сама по себе. О том, что автор ред. Т П. об А. Т. был традиционалист, свидетельствует еще и стиль этой редакции, в частности использование рафинированного церковнославянского языка, стремление к «словесному изяществу» и т. д.

В XVIII в. возникает множество новых обработок П., разнообразных по своему характеру. Перерабатываются все три редакции П., часто при этом создаются сводные тексты. Отличительной чертой редакций XVIII в. П. об А. Т. является то, что в это время П. переходит в разряд занимательных «гисторий». Об этом свидетельствуют и названия П. в ред. XVIII в., и состав сборников, в которые она включается, и изменения, вносимые редакторами в сюжет П., и, наконец, приписки переписчиков и читателей. Авторами этих редакций были по преимуществу представители демократической среды, приспособившие П. об А. Т. к своим вкусам. Одни редакторы при этом ограничивались лишь заменой церковнославянского языка ред. Т (который, кстати, деформируется или заменяется русским во всех обработках ред. Т XVIII в.) разговорно-бытовым с элементами просторечия (ред. Т₁ — списки ГИМ, собр. Забелина, № 498; собр. Барсова, № 2364). Авторы других пересказывали П. в совершенно иной манере. Ред. Т₆, например (список ГИМ, собр. Барятинского, № 160), — это пересказ П. в форме канцелярского отчета; для нее характерны «при-
азной» язык, выпрямление сюжета, краткость изложения в ущерб раз-

личным художественным деталям. У некоторых редакторов XVIII в. П. ассоциировалась с галантными «гисториями», что нашло отражение в ред. Т₅ (список ИУЛ, № 961). Авторы большинства редакций вносили при этом изменения в сюжет П., часто модернизировали ее, внося в П. понятия и черты современного им русского быта. Особенно интересен с этой точки зрения список ГИМ, Музейское собр., № 1312. Читаемая здесь П. — по сути дела оригинальное русское произведение XVIII в. на сюжет древнерусской повести. В одной из редакций, которую можно назвать «христианизированной» (список ГПБ, О. XV. 5), П. подверглась идеологической переработке. Здесь были полностью ликвидированы следы языческих верований, языческие праздники, обряды и храмы были заменены христианскими, в текст введены молитвы к богу, ссылки на христианских пророков, используется фразеология, характерная для христианской литературы. В XIX в. текст ред. Т был переработан А. М. Ремизовым (напечатано в № 5 журнала «Аргус» за 1917 г.).

Изд.: Повесть об Аполлоне Тирском / Изд. Н. С. Тихонравовым // Летопись русской литературы и древностей. М., 1859. Т. 1, ч. 2. С. 1—33; Римские деяния («Gesta Romanorum»). СПб., 1877. Изд. ОЛДП. Вып. 5.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 242—244; Polívka J. 1) Román o Apollonovi králi Tyrském v české, polské, i ruské literatuře // Listy Filologické. 1889. Seš. 5, 6; 2) Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském // Drobné příspěvky literárně-historické. Praha, 1891. Č. 1—4; Murko M. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum // Arch. f. slavische Philolog. 1892. Bd 14. H. 3; Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах. I. Истории из «Римских деяний». СПб., 1897; Nilsson N. Å. Die Apollonius — Erzählung in den slavischen Literaturen. Uppsala, 1949; Соколова Л. В. 1) Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 313—322; 2) Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; 3) К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские Деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266—273; 4) Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1982.

Л. В. Соколова

Повесть об увозе Соломоновой жены — наиболее распространенный в мировой литературе сюжет из цикла сказаний о царе Соломоне. В русской рукописной традиции этот сюжет представлен тремя повестями: Повестью о похищении Соломоновой царицы Китоврасом (Китоврасовская повесть); Повестью об увозе Соломоновой жены царем Кипрским (Кипрская повесть); Повестью о рождении и похождениях царя Соломона, где похитителем является царь Пор (Поровская повесть).

В Повести о похищении Соломоновой царицы Китоврасом рассказывается о том, как царь Китоврас похищает у своего брата красавицу-жену. Соломон, узнав, где находится его супруга, отправляется к Китоврасу со своим войском. Воинов он оставляет неподалеку от царства Китовраса и наказывает явиться к нему по третьему сигналу рожка. Сам же, переодевшись странником, идет ко дворцу брата. Жена узнает его, приглашает к себе и предательски передает в руки Китовраса. Китоврас решает казнить Соломона, но Соломону мудростью своею удается избежать казни. По третьему сигналу рожка к нему на помощь является его войско, и Соломон расправляется с изменницей-женою и братом-похитителем.

Повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом тяготеет к устным повествовательным формам. Она обнаруживает большую близость к сказке. Персонажи П. напоминают сказочных героев: премудрый царь Соломон вполне удовлетворяет определению главного героя волшебных и бытовых сказок. В качестве антагониста царя Соломона выступает полузверь-получеловек — царь Китоврас. Помощник у Китовраса тоже необычен — это волхв, волшебник, который может «помрачить всех людей», внезапно напустить сон.

Стиль Китоврасовской повести также близок сказочному: он отличается предельной насыщенностью повествования, каждая фраза — это сюжетный поворот. В П. часто встречаются формулы, характерные для русского фольклора. Судя по стилю, можно предположить, что П. существовала вначале в форме устного сказания, сказки и только позднее, скорее всего в XVII в., была оформлена как литературное произведение.

Вопрос о появлении П. на Руси весьма затруднителен. А. Н. Веселовский, выясняя «международную судьбу» Соломоновых сказаний, Китоврасовскую повесть считал самым ранним сюжетом об увозе Соломоновой жены, известным русскому читателю уже в XIV в. Основным аргументом доказательства А. Н. Веселовского было изображение Китовраса на Васильевских вратах Софийского собора (создание которых летописи относят к 1336 г.), где на переднем плане — Китоврас, держащий в руке небольшую фигурку в короне, — очевидно, это и есть царь Соломон, которого Китоврас собирается забросить на конец земли обетованной (эпизоду апокрифа о Соломоне и Китоврасе из Палеи посвящена словарная статья Я. С. Лурье). Надпись под этим изображением гласит: «Китоврас меце братом своим на обетованную землю зр. . .». Под братом здесь явно подразумевается Соломон, но таковым он является лишь в Повести о похищении Соломоновой царицы Китоврасом. Этот факт и дал возможность А. Н. Веселовскому отнести П. к XIV в. (Веселовский А. Н. Славянские сказания. С. 223—224). Однако в Ефросиновском сборнике (XV в.) Я. С. Лурье обнаружил текст «О Китоврасе от Палеи», отдаленно напоминающий палейный рассказ, где Соломон также назван братом Китовраса (см.: L u r' e J a. S. Une legende inconnue de S. et K. dans un manuscrit du XV-e siècle // Revue des études slaves. Paris, 1964. Т. 43. F. 1—4. P. 7—11). Но братом Соломона Китоврас именовался не только в П., но и в более раннем апокрифе о Соломоне, сохранившемся в сборнике Ефросина. Таким образом, датировка сюжета об увозе Соломоновой царицы лишается своего обоснования. Несомненно только, что задолго до XVII в. существовали различные сказания о Соломоне и Китоврасе, но не все они сохранились в ранних списках, так как индекс XIV в. запрещал «Басни и коцуну о Соломоне и Китоврасе» и согласно этому запрету притчи о Соломоне и Китоврасе изымались из рукописей. Была ли среди них Повесть о похищении Соломоновой царицы Китоврасом — неизвестно, списки этой П. сохранились лишь от XVII—XVIII вв. Известно всего 7 списков под заглавием: «Повесть царя Соломона о царе Китоврасе, како царь Китоврас хотел царя Соломона повесить ради лепоты жены его бысть», или «Притча царя Соломона о царе Китоврасе».

Повесть об увозе Соломоновой жены царем Кипрским (Кипрская повесть) значительно отличается от Китоврасовской повести. Кроме того, что здесь похититель — Кипрский царь, развитие сюжета изменено, характеристики героев далеки от сказочных.

Текстологический анализ списков показал, что русские тексты восходят к южнославянским. Южнославянские списки самые ранние, наиболее близки к ним белорусский и украинский списки, русские также обнаруживают зависимость от южнославянских; основные расхождения в русских списках П. наблюдаются в передаче явно южнославянской по своей природе «загадки», предложенной Соломоном Кипрскому царю: «Чуждуся, где коло на коло восьседа, а обое у кала». Иносказание говорит о превратности судьбы. «Коло» — это колесо судьбы (Л. В. Ярошенко-Титова. С. 263). Текст этого иносказания в русских списках значительно перерабатывался, первоначальный смысл постепенно утрачивался, вероятно, по причине неясности для русского читателя.

Известно 13 списков Кипрской повести, причем три из них южнославянского происхождения, один белорусский и один украинский. Самый ранний список — сербский (XIV—XV вв.), назван «Слово о Соломоне,

како бысть»; болгарский и второй сербский (XVI в.) — «Слово премудра Соломона и о жене его»; русские списки датируются XVII—XIX вв., в рукописях имеют различные названия: «О премудрости Соломона и о прелюбодеянии жены его, како изведеся от Соломона к кипрскому царю», «О премудрости царя», «Слово о премудром Соломоне», «О премудрости Соломоной и жене его», «Сказание о премудрости Соломоной жены». Обособленно от всех списков Кипрской повести стоит «Повесть о прекрасном и наличном царе и о Соломоне», опубликованная Н. С. Тихонравовым (Летописи русской литературы. С. 147—153). Этот текст своеобразно передает содержание Кипрской версии, в нем чувствуется смешение устной и письменной традиций.

Наиболее широкое распространение сюжет об увозе Соломоновой жены на русской почве имел в виде «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» (Поровская повесть).

Поровская повесть, вероятно, создана русским книжником, который несомненно ориентировался на Кипрскую повесть. В основном развитие сюжета Поровской повести совпадает с развитием сюжета в Кипрской, обе повести имеют ряд почти дословно совпадающих эпизодов, но, повторяя сюжетную основу Кипрской повести, Поровская имеет множество значительных изменений, позволяющих ее выделить в самостоятельный текст. Опять-таки проведена замена имен героев: назван соперник Соломона (царь Пор), его помощник, похититель Соломоновой царицы — княжевецкий слуга; дана новая мотивировка похищения — месть! Более подробно разрабатываются многие эпизоды, а самое главное — Поровская повесть имеет отличную от Кипрской и Китоврасовской повестей композицию. В Поровской повести рассказывается о Соломоне все — от рождения до конца жизни. Первая часть Поровской повести представляет собой занимательный рассказ о рождении Соломона и его похождениях в изгнании, вторая — о похищении царем Пором Соломоновой жены.

В настоящее время известно 19 списков Поровской повести со следующими названиями: «Повесть о царе Давиде и сыне его Соломоне и о их премудрости», «Повесть великаго царя премудраго Соломона, сына царя Давида, о рождении и похождении его зело умиленная», «Сказание о царе Соломоне», «Повесть о царе Давиде и о сыне его Соломоне, о премудрости и о похождениях его велия дивно прочитающим и слушающим дивная словеса», «История о царе Давиде, и о сыне его царе Соломоне, како возопи великим гласом во утробе матери своей и о прочих его премудростях».

Выделяется 4 редакции Поровской повести. Первоначальная редакция (XVII в.) во второй своей части наиболее близка по структуре Кипрской. На рубеже XVII—XVIII вв. создается книжная редакция П., называемая распространенной. Редактор как бы упорядочивает текст: снимаются сюжетные повторы, сказочные эпизоды заменяются бытовыми и дополняются новыми. В первой части помещен совершенно новый текст (другие загадки Соломона, центральное место занимают его суды). Чтобы более весомо аргументировать похищение Соломоновой жены, здесь повествуется о службе Соломона у Индийского царя Пора и об измене Поровой царицы с Соломоном.

На основе сюжета Поровской повести в XVIII в. создаются две редакции: одна из них представлена единственным списком (ГИМ, собр. Забелина, № 336, список опубликован Н. С. Тихонравовым, с. 121—147). Первая часть этой редакции (о рождении и похождениях) полностью повторяет текст распространенной редакции, вторая же ее часть (рассказ о похищении жены Соломона) — оригинальное переложение первоначальной редакции Поровской повести. Соперник Соломона здесь не персонафицирован, это «некий царь», за которого Соломонида (жена Соломона) «желала прежде замуж, когда ей бывшей девице сущей», т. е. и мотивировка увоза Соломоновой жены не совпадает с традиционной: похититель умы-

кает свою возлюбленную. В повествование вводится несколько новых эпизодов.

Другая редакция XVIII в. известна в двух еписках: БАН, 34.8.13 и ГПБ, собр. Титова, № 1533. Все особенности этой редакции явно связаны с устной народной традицией. Начинается повествование с древнейшей легенды о жене слепого, обманывающей мужа со своим любовником, загадки напоминают сказку о Девке-семилетке, увоз Соломоновой царицы происходит с помощью беса Солца, который не только похищает жену Соломона, но и освобождает заключенных Соломоном в «корчежец» собратьев. По содержанию и по стилю текст близок поздним фольклорным записям.

Изд.: ПЛ. Вып. 3. С. 59—74; Летописи Тихонова. Т. 4. С. 112—153; О премудрости Соломоной и жене его. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III—V // Записки Академии Наук. СПб., 1881. Т. 40. Прил. № 4. С. 143—147; Сперанский М. Н. Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотек // Известия историко-филологического ин-та в Нежине. Нежин, 1898. С. 67—73; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской литературе // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 2. С. 304—308; Титова Л. В. Неизданная редакция «Повести о рождении и походе царя Соломона» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 343—363.

Лит.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 107—113; Назаревский. Библиография. С. 144—147; Елеонский С. Ф. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 444—448; Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 257—273.

Л. В. Титова

Повесть об Ульянии Осорьиной — условно принятое в научно-критической литературе название оригинальной житийно-биографической повести первой половины XVII в. В рукописях памятник озаглавлен: «Месяца генваря въ 2 день успение святыя праведныя Ульянии, муромския чудотворицы»; «Житие и преставление святыя и преподобныя и праведныя матере нашея Иулиании Лазаревския. Списано многорешнымъ Каллистратомъ, пореклу Дружино Осорьинымъ, сыномъ ея, что въ Муромскихъ пределехъ. Благослови, отче»; «Месяца генуария в 2 день житие и пощение и еже отзде преставление святыя праведныя матере нашея Иулиании, еже от божия благодати новыя мироточицы, от града Мурома, яко звезду пресветло чудесми и добльствием детелным восиявшую». Ульяния Устиновна Осорьина — реальное историческое лицо, муромская помещица, жившая в XVI в. (умерла 2 января 1604 г.); с XVII в. почиталась как местнотимая святая г. Мурома, получив по месту погребения в селе Лазареве Муромского уезда имя Юлиании Лазаревской (или Муромской). Нет сведений о том, была ли осуществлена официальная канонизация Ульянии. С 1801 г. ее чествование (служением молебнов) было приостановлено владимирскими духовными властями и возобновлено в 1867—1868 гг. (см. подробнее: Е в г е н и й, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. Муром, 1910). Причины таких изменений отношения церкви к своей «угоднице» остались невыясненными. Можно предположить, что одной из них было несоответствие жизнеописания муромской «болярыни» общепринятым представлениям о жизни «подвижников благочестия»: П. об У. О. соединяет в себе черты агиографического произведения и светской биографии. Автором П. был сын Ульянии Дружина (по крестному имени Каллистрат) Осорьин, известный по актовым материалам как губной староста г. Мурома в 1610—1640 гг. Из заключающего П. текста следует, что она была написана не ранее 1615 (по некоторым спискам — 1614) г., когда во время погребения другого сына Ульянии, Георгия, был обретен гроб с нетленными мощами его матери, «поли мира благовонна», от которого многие болящие «облек-

чение от различных недуг приимаху». По мнению М. О. Скрипиля, время создания П. следует определить 20—30-ми гг. XVII вв.

Вероятно, поводом для написания П. об У. О. послужил традиционный для создания агиографического произведения мотив: чудеса и исцеления у гроба считались показателем и доказательством святости умершего и часто становились толчком к написанию жития «нового чудотворца» или «чудотворицы». Тяготение к агиографическому канону отчетливо прослеживается в композиционной структуре памятника. Повествование ведется по традиционной житийной канве: рождение героини от благочестивых родителей, ее стремление к аскезе с детских лет («от смеха и всякия игры отгребашеся»), смирение и послушание, прилежание в посте и молитвах; добродетельное житие венчают «честное преставление» и исцеления у гроба «новой муромской чудотворицы». Однако жанровый канон оказывается выдержанным только внешне: старая житийная схема наполняется принципиально новым содержанием. Происходит «взрыв жанра изнутри» (Л. Боева). Ореолом святости наделяется обычная женщина, мирянка: Ульяния даже перед смертью не приняла пострига. Идеализация образа осуществляется наперекор традициям житийного канона: героиня не возносится над бытом, а напротив, погружается в него, изображается в обыденных делах и ситуациях: в ведении «домовного хозяйства», в отношениях с мужем и его родителями, чадами и домочадцами. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркиваются автором и расцениваются им как «подвиги благочестия», — это трудолюбие («по вся ноци без сна пребываше, в молбах, и в рукоделии, и в прядиве, и в пяличном деле») и сострадание, готовность к помощи («вдовами и сиротами, аки истовая мати, печашеся»). Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь.

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Дружине Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ. Даже традиционно-житийные ситуации под пером очевидца получают порой вразрез с этикетными нормами реалистические толкования. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Ульяния ведет себя отнюдь не в соответствии с агиографическим каноном: «Во едину же ноць, востав на молитву по обычаю, без мужа. Беси же страх и ужас напушаху ей велик; она же, млада еще и неискусна, тому убоясь и ляже спати на постели и усну крепко». Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили П. элементами психологизма и художественными деталями. Написанная на конкретном историко-бытовом материале сыном о матери, П. запечатлела многие исторические реалии жизни русского поместного дворянства второй половины XVI в. В ней названы имена реальных исторических лиц: венчавшего Ульянию священника Потапия, позднее — архимандрита Муромского Спасского монастыря (монашеское имя — Пимен); предков и родственников — современников Ульянии: Недюревых, Лукиных, Дубенских, Осорьиных, Араповых. В П. нашли отражение современные автору социально-экономические явления (отношения между родителями и детьми, челядью и землевладельцами) и исторические события эпохи («великий голод» в период правления Бориса Годунова, и др.). Обращение к новому герою, частному лицу, необычному именно своей «обычностью», было проявлением развития литературного процесса в XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». В П. об У. О. нашел отражение процесс развития литературного произведения от служебного канона к повествовательности, секуляризации культуры в целом.

О популярности П. в читательских кругах свидетельствует широкое распространение ее в рукописях: в настоящее время известны 50 списков XVII—XIX вв. и одна выпись из ее текста. Существует две редакции П.:

краткая (Первая, по определению М. О. Скрипиля) и пространная (Вторая), которая представлена двумя вариантами. Из-за отсутствия комплексного текстологического анализа сохранившихся списков памятника его литературная история пока не может считаться вполне установленной. Первая редакция П. сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Число чудес в списках вариативно (6, 18, 21), что отражает, по-видимому, живой процесс их записи, — возможно, разными лицами. В рукописи ГПБ, Q.I. № 355 (Толст. II, № 303) содержится единственный известный список П., включающий 21 чудо, три последних из которых датированы: последнее чудо датировано 7157 (1649) г. Вторая редакция П. снабжена особым риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного писания и Отцов церкви. В ней особенно акцентированно звучит идея о возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви.

Изд.: П.Л. Вып. 1. С. 63—67; Евгений, еп. Житие св. праведной Иулиании Лазаревской (в двух редакциях) и служба ей. СПб., 1910; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 245—250; Скрипиль М. О. 1) Повесть об Ульянии Осорьбиной: (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 276—323; 2) Русская повесть. С. 39—47; 200—208; Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Подгот. текста и примеч. Р. П. Дмитриевой. М., 1969. С. 542—550, 771—772 (примеч.).

Лит.: Муравьев А. Жития святых российской церкви. Также иверских и славянских и местнотимых подвижников благочестия. Месяц январь. СПб., 1857. С. 3—18; Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Ф. И. Буслаев Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238—268 (см. также: РВ. 1858. Т. 17. С. 417—440); Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Отд. 1. 2-е изд. Чернигов, 1865. С. 2—10; Толстой М. В. Юлиания Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помещица XVI века // Русские подвижники. М., 1868. С. 67—78 (см. также: Душеполезное чтение. 1869. Ч. 1. С. 3—17); Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1874. С. 322—323; 2) Добрые люди древней Руси. М., 1896. С. 9—16; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 282—283; Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1; Попов Н. П. Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Симоновское собрание. М., 1905—1910. С. 170—174; Алфиров А., Грузинский А. Допетровская литература и народная поэзия. М., 1907. С. 141—150; Евгений, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской: (Исторический очерк). Муром, 1910; Богатов И. П. Владимирские святые и их чудеса. Владимир, 1929. С. 26—28; Скрипиль М. О. 1) Повесть об Ульянии Осорьбиной: (исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 256—276; 2) Русская повесть. С. 350—358; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 95—100; Лихачев Д. С. Кризис средневековой идеализации человека в житийном жанре // Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958. С. 115—118; Воробьев В. П. Детальный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века // Учен. зап. Саратовск. пед. ин-та. 1958. Вып. 30. С. 231—232, 235—236; Тагунова В. И. Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 414—418; ИРЛ III. Т. 1. С. 306—311; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 351—354; Боева Л. Вопросы древнерусской литературы. София, 1982. С. 260; Greenan T. A. Julianiya Lazarevskaya // Oxford Slavonic Papers XV. 1982; Ali sandratos Ju. New approaches to the problem of identifying the genre of the Life of Julijana Lazarevskaia // Cyrillomethodianum. VII. Thessaloniki, 1983. P. 235—244; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 54—60.

Т. Р. Руди

Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его рассказывает о событиях конца XVI—начала XVII в. — о смерти царевича Димитрия от рук нанятых Борисом Годуновым убийц, о гонениях царя Бориса на знатных людей, прежде всего на князей Шуйских, о появлении, царствовании и смерти первого самозванца, убитого восставшими москвичами 17 мая

1606 г. С. было известно уже Н. М. Карамзину, который назвал его баснословным, главным образом, из-за полностью вымышленного описания походов Отрепьева на Украине и в Польше. С. Ф. Платонов впервые указал, что С. существует в полной и краткой редакциях и что «самая неумеренная легенда» присутствует в полной редакции, тогда как содержание краткой редакции достоверно. Краткая редакция С. имеет другое заглавие: «Сказание и повесть известна, еже содеяся чудо господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, и пречистые его матери, и святых великих чудотворцов московских Петра и Олексея, Ионы, и всех святых молитвами, во царствующем граде Москвы. како избави господь бог от злаго и лютаго еретика, от Гришки Отрепьева, и от его злых умышленников, от поганых ляхов и литвы и от латынския иезовицкия ереси. Вкратце писаню. Анализируя С., С. Ф. Платонов отметил в полной редакции стилистический разноречивый отдельных ее частей, неоправданные повторения, неточности и противоречия в датах, хронологическую непоследовательность событий, указав при этом на большую осведомленность автора при описании некоторых событий. Он не признал полную редакцию С. «произведением литературно-цельным». По его мнению, автор механически соединил отрывки разножанровых произведений, не сумев согласовать сведения нескольких источников, чем и объясняется, например, двойная датировка одного события. Тем не менее, С. Ф. Платонов считал полную редакцию С. первоначальной и относил время ее появления к 20-м гг. XVII в. Краткая редакция, как он полагал, была образована за счет устранения легендарных известий еще позже.

Точка зрения С. Ф. Платонова на происхождение памятника была пересмотрена Е. Н. Кушевой. Сопоставив тексты обеих редакций С. по всем известным спискам, она установила, что выявленные С. Ф. Платоновым противоречия и выделяющиеся стилистически места являются позднейшими вставками в текст краткой редакции, ибо существуют в рукописной традиции независимо от С.

Краткая редакция С. по ряду признаков появилась в 1606 г., вскоре после гибели Лжедмитрия I. Автор краткой редакции С. руководствовался не столько чисто историческим интересом к минувшим событиям, сколько задачей прославления Василия Шуйского. Особенно превозносится Василий Шуйский как организатор и руководитель восстания против Лжедмитрия и поляков, как мужественный борец «за правду и . . . веру», безбоязненно обличающий обман и «еретичество» самозванца даже будучи приговоренным к смертной казни. В то же время в С. отсутствует ряд чрезвычайно важных, казалось бы, для замысла автора фактов. Ни слова не сказано о важнейшем событии в судьбе Шуйского — избрании на царство; не упомянуто о мероприятии Шуйского большого политического значения — перенесения мощей царевича Дмитрия. Все это говорит о том, что написанное неизвестным автором С. появилось до избрания Шуйского царем и до открытия мощей царевича 28 мая 1606 г.

Краткая редакция С. написана простым слогом, отличным от стиля позднейших дополнений. Особенно заметно это в сравнении с появившейся вслед за С. и тоже вышедшей из окружения Шуйского *«Повестью, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»*. Образы главных героев раскрываются в С. не в абстрактных характеристиках, как в Повести, а в описаниях их поступков. Постоянные упоминания приказных людей, близость текста к документальным материалам (майским и июньским грамотам Василия Шуйского) и простота стиля позволили Е. Н. Кушевой предположить, что краткая редакция С. могла быть написана человеком из приказной среды.

Безыскусность стиля краткой редакции С. становится особенно заметной при сравнении с полной редакцией, где появляется баснословный рассказ о похождениях Григория Отрепьева, который отличают про-

странные риторические рассуждения и вопросы, полонизмы, подробные описания польского быта, длинные и сложные грамматические периоды.

Полная редакция С. не меняет публицистическую направленность краткой, а введение в текст краткой редакции как баснословных, так и достоверных описаний, которые представляют собой, по-видимому, личные воспоминания автора (рассказы о въезде Мнишков в Москву, о свадьбе Лжедмитрия I, о воинских упражнениях со стрельбой), продиктовано желанием усилить литературную занимательность С.

«С. и повесть, еже содеяся. . .» оказало заметное влияние на последующую литературу о Смутном времени. Оно было первым из произведений, появившихся в ходе литературно-идеологической кампании, организованной сторонниками Василия Шуйского, и, по словам Е. Н. Кушевой, «в нем уже определилась та схема изображения событий, которая была прочно усвоена правительством Шуйского в дальнейшем: гибель истинного Дмитрия от руки подосланных Борисом убийц, царь Дмитрий как самозванец, злой еретик и расстрига, борьба Шуйского с ним как героическая борьба за православную веру». С. широко распространилось в рукописях как самостоятельное произведение и вошло в состав исторических компиляций середины XVII в. (*Морозовский летописец*, Латушинская Степенная книга и др.). Перечень списков см. в работах С. Ф. Платонова и Е. Н. Кушевой.

Изд.: Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. С. 1—26; Сказание и повесть о расстриге Гришке Отрепьеве и о походе его. М., 1847; РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 713—754.

Лит.: Карамзин. ИГР. Т. 10. Примеч. 247; Т. 11. Примеч. 194, 196, 202, 207, 216, 405 и др.; Платонов. С. 385—394; Кушева. Из истории. С. 65—95; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 67; ИРЛ II. Т. 1. С. 273—274; Лихолат С. В. Сказание о Гришке Отрепьеве как историко-публицистический памятник начала XVII века // Збірник наукових праць аспірантів з філології Київського держ. ун-ту. Київ, 1963. № 18. С. 46—52.

Г. П. Енин

Сказание о богатом купце — назидательная повесть, распространявшаяся в повествовательных сборниках XVII—XVIII вв. В С. рассказывается о богатом купце Бендере из града Вавилона. Он не пустил к себе на пир Христа в образе нищего. Изгнанный сторожами купца Христос предрекает Бендере злую погибель и переход всех его богатств к сыну бедняка Фиврану, который женится на купеческой дочери. Попытки купца обойти судьбу и погубить Фиврана составляют увлекательный рассказ, завершающийся смертью злодея.

С. несет черты душеполезной дидактической литературы, в которой представлена идея наказания гордеца и чванливого богача. Образ Христа-нищего известен в учительной традиции (ср. *Пролог* под 18 октября — «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего»). Основная сюжетная нить С. совпадает с русской народной сказкой «О Марке богатом» и имеет сходство с некоторыми мотивами сказки о царе Соломоне (замена младенца щенком). Е. К. Ромодановская полагает, что в данном случае на сказки влияли книжные повести. Наряду с легендарными, сказочными чертами С. отмечено близостью к книжной традиции — к русским повестям XVII—начала XVIII в. и является образцом беллетризации дидактического сюжета.

Изд. Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 263—265 (по списку ГБЛ, собр. Тихонравова, № 361, л. 143—147).

Лит. Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 170—174.

О. А. Белоброва

Сказание о Вавилоне — центральное произведение, вокруг которого в течение XVI—XVII вв. происходит формирование цикла сказаний о Вавилонском царстве: притч о Навуходоносоре и его сыне Василии Навуходоносоровиче, об Артаксерксе, о Немвроде и Иоанне, представляющих легендарную генеалогию вавилонских царей, сказания о царице Южской (Савской), Малкодушке, легенды о сооружении вокруг Вавилона юнаками (юношами) глиняного змея, послужившего причиной запустения города, Сказания о царских венцах (о великом киевском князе *Владимире Мономахе* и получении им в дар от греческого царя «шапочки Мономаха», а также прозвания Мономах).

Цикл сказаний о Вавилонском царстве представлен многочисленными списками конца XV—XX вв., учтенными в библиографиях В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, А. А. Назаревского. Популярность произведений этого цикла вызвана устойчивым интересом широких слоев населения в течение нескольких веков (вплоть до 1917 г.) к вопросам происхождения и законности передачи символов царской власти (см.: Чернов С. Н. Слухи 1825—1826 гг.: (Фольклор и история) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 568—569).

История открытия и изучения сказаний о Вавилонском царстве восходит к середине XIX в. и связана с именами таких выдающихся филологов, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, И. Н. Жданов. Однако истолкование памятников этого цикла вплоть до настоящего времени продолжает опираться либо на случайные публикации отдельных списков, либо на гипотетический сводный текст, составленный А. Н. Веселовским, который является лишь рабочей гипотезой, воссоздающей единый, реально не существовавший сюжет всего цикла сказаний о Вавилонском царстве.

Неизученность литературной истории текстов этого цикла (предварительную попытку археографического обзора по отдельным спискам предпринимал М. О. Скрипиль) позволяет некоторым современным исследователям, например Х. Шедер, И. Матлю (Schäfer H. Moskau der dritte Rome. Darmstadt, 1957. S. 107—110; Matl J. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 88—89), продолжать вслед за А. Н. Веселовским и И. Н. Ждановым, опираясь на теорию «странствующих сюжетов», ошибочно связывать С. о В. с идеей «Москва — третий Рим».

Согласно теории миграции, развитие сводного сюжета сказаний о Вавилонском царстве идет от ирано-семитских версий, воспринимает библейско-христианские общие места средневековой литературы и в Византии к XI в. приобретает религиозно-политический характер. Византийская легенда, сохранившаяся в русской версии, центральной фигурой выдвигает основателя македонской династии Василия, а на Руси в ней получает развитие русская династическая государственная идея: наследование Владимиром Мономахом короны византийского императора Константина. И. Н. Жданов, кроме того, привлекает к изучению цикла сказаний и русские народные сказки о Вавилонском царстве, предполагая существование гипотетического русского сюжета о посольстве Владимира в Вавилон, подобного сказке о Борме. Однако исследование Е. А. Тудоровской показало позднее книжное происхождение русской волшебной сказки о Вавилонском царстве, созданной В. А. Левшиным в конце XVIII—начале XIX в. по типу книжной волшебной-авантюрной повести (близкой к повести о Булате Левшина) под влиянием *Повести о Брунцвике*, древнерусских Сказаний о Вавилонском царстве, лубочных изданий, песен и сказок об Иване Грозном и Борме Ярыжке и легенды о Федоре Барме (Бармине).

Проведенный текстологический анализ цикла сказаний о Вавилонском царстве полностью разрушает представление об изначальном существовании единого сводного сюжета на данную тему, заставляет пересмотреть

вопросы о степени оригинальности центрального С. о В., о его датировке, идейном замысле и поэтических особенностях на всех этапах развития памятника. В цикле сказаний можно выделить три основных типа: первоначальный, особый и сказочная обработка; каждый из них, в свою очередь, имеет многочисленные редакции, виды и варианты и встречается в различных сочетаниях с другими произведениями этого цикла.

Первоначальный тип в ранних редакциях включает только одно центральное С. о В. («Слово о Вавилоне»), близкое, но не адекватное тексту, опубликованному М. О. Скрипилем (список ГИМ, Синодальное собр., № 2952 относится ко 2-му виду Древнейшей редакции). Содержание его сильно отличается от сюжета, воссозданного А. Н. Веселовским, в нем повествуется о «послании» (посольстве) «греческого царя Леукия» («Левкия», «Улеуя»), «во святом крещении Василия», в Вавилон град за «знамением» к трем вавилонским отрокам. Посланцами избраны представители трех христианских православных стран («из Грек гричин» — «Гугрий», «из Без обяжанин» — «Яков», «из Руси русин — «Јавер»), с тем чтобы каждый из них на своем языке мог прочесть соответствующую часть трехязычной надписи на лестнице, ведущей через змея в мертвый град Вавилон. Только благодаря совместным действиям они могут достичь царских палат и обрести «знамение» — венцы вавилонского царя Навуходоносора и его царицы и грамоту на греческом языке. Патриарх возлагает принесенные царские венцы «на царя Василия и на царицу Александрию, родом арменина наречеся», а греческий царь сдерживает данное им вначале обещание быть верным поборником «хрестьяньстей» православной веры и посылает дары иерусалимскому патриарху, отказываясь от похода в Индию ради борьбы против «иноверных» врагов.

В XVI в. (наряду с продолжающим переписываться и видоизменяться первоначальным типом С., включенным митрополитом Макарием в ВМЧ) под влиянием чина венчания на царство русских самодержцев и создания *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах* постепенно складываются редакции так называемого особого типа С. о В., главным отличием которого, наряду с чертами разрушения текста центрального Сказания, является включение в перечень царских регалий «сердоликовой крабицы» («короба»), а затем «мономаховой шапочки» и других атрибутов царского венчания. Только в поздней редакции особого типа *Сказания о Вавилонском царстве*, уже в составе цикла, возникшего в начале XVII в. в связи с избранием на царство *Михаила Федоровича*, впервые появляется заключительная статья о передаче греческим царем, «ради чести своей», киевскому великому князю Владимиру Мономаху «сердоликовой крабицы» и «мономаховой шапочки». Совершенно не связанные с церковной теорией «Москва — третий Рим», эти редакции особого типа С. о В. продолжают развивать иезуитские *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах*.

В сказочных обработках текст центрального С. настолько разрушен, что отличительными его признаками становится наличие в нем занимательного сюжета и устойчивых фольклорных образов (таких как «ракитов куст», «скатерть», «сундук»). Связанный с процессом беллетризации произведений в XVII в., этот тип памятника, как правило, встречается только в составе цикла сказаний о Вавилонском царстве.

В основу Древнейшей редакции центрального С. о В. («Слова») неизвестный русский книжник положил устную византийскую легенду, связанную с иконой византийского императора Льва VI Премудрого из царьградского Софийского собора. (На этот факт указывал еще А. Н. Веселовский). Эта топонимическая легенда известна нам в пересказе путешествовавшего в Царьград в 1200 г. *Антония Новгородского* (в миру Добрыни Ядрейковича). Согласно данной версии легенды, почитание иконы императора было вызвано тем, что Лев Премудрый взял на гробе пророка Даниила грамоту, предрекающую будущих правителей Царьграда. Опи-

раясь на легенду топонимического характера, подобные которой рассказывали путешественникам константинопольские проводники, русский автор создал новое оригинальное легендарно-политическое сказание. В соответствии с принципами средневекового историзма он воссоздал исторически возможную картину царского посольства в Вавилон, внес в сюжет элементы домысла о некоторых подробностях добывания грамоты, о том, с чьей помощью, что именно еще (венцы вавилонских правителей) и при каких обстоятельствах было получено «греческим» царем.

Таким образом, главными темами русского памятника становятся: тема божественной освященности символов византийской царской власти и получения их от первых царей вселенной из Вавилона, тема совместного добывания вавилонских царских регалий (венцов царя Навуходоносора и грамоты) для византийского царя представителями трех православных стран — Руси, Греции и Обезии (Грузии) и тема верности византийского царя христианской православной вере.

Отсутствие среди трех посланцев «греческого» царя представителей других православных стран — Болгарии и Сербии — позволяет определить верхнюю дату возникновения С. о В. не ранее времени падения этих стран под властью турок. (С падением в 1383 г. Софии и в 1393 г. Тырнова фактически потеряла свою независимость Болгария, а после поражения в 1389 г. на Косовом поле пала Сербия). Нижнюю границу возможного появления памятника М. О. Скрипиль намечал очень приблизительно — «первая половина XV века» (до падения Царьграда в 1453 г.). Основной замысел русского произведения исследователь видит в провозглашении идеи «равноправия или равенства Византии, Грузии-Абхазии и Руси». Однако в эти представления следует внести уточнения. Замысел произведения не может быть сведен к одной идее равенства трех православных стран: Руси времени становления единого централизованного государства, «Обезии» (Грузии) периода ее ожесточенной борьбы против вторжения «иноверных» врагов и Византии кануна ее падения. Автор С. утверждает необходимость солидарности православных стран. В этом отношении особенно важны зачин-загадка о необходимости посылки именно «трех мужей», надпись на лестнице, ведущей в Вавилон, составленная из частей на трех языках, прочесть которую могут соответственно только «обежанин», грек и русский, и сцена падения на вавилонского змея «обежанина» и помощи, оказанной ему двумя другими участниками похода, — все это предназначено убедить, что только совместными усилиями и при взаимной поддержке посланцы трех православных стран могут успешно исполнить волю византийского императора. При этом и сам византийский император должен быть образцовым поборником «православной веры»; именно такой идеал «греческого» царя и создает русский книжник. В начале произведения царь обещает, в случае получения его посланцами в Вавилоне «знамения», «не отлучаться от Иерусалима» и быть «поборником на враги иноверныя за род хрестьяньский»; в конце С. он выполняет данное им обещание, отсылает богатые дары иерусалимскому патриарху и, отказываясь от похода в Индию, прислушивается к совету царя Давида, призывающего его: «. . . поиди на страны полунощныя, на враги иноверныя, за род хрестьяньск». Такой идеал византийского царя уже не всегда соответствовал реальному поведению византийских императоров рубежа XIV—XV вв., которые под страхом турецкого ига и непрерывной осады Константинополя (с 1390 по 1398 и с 1425 по 1453 г.) тайно, а затем и явно подготавливали, а потом и заключили союз с римско-католической церковью и подчас не останавливались перед тем, чтобы поменять православное вероисповедание на католическое. Идеальный образ «греческого» царя, являющегося верным «поборником» православия, мог возникнуть только в русском произведении, созданном до официального заключения Византией унии с римско-католической церковью на Флорентийском соборе 1438—1439 гг. После Флорентийской унии, когда на

Руси была открыто провозглашена независимость русской церкви от византийского патриарха-униата, облик идеального византийского императора, поборника православия, был вытеснен в русской публицистике образом пошатнувшегося «золотого стола» и темой «лютейшего падения» византийского императора. Церковно-политические трактаты второй половины XV в., написанные в Москве и соперничавшей с ней Твери, провозглашают уже не идеи равенства и солидарности православных стран, а идею перехода права верховного блюстителя православия во всем мире от византийского императора к великим русским князьям, московскому и тверскому.

Включение русским книжником в число участников легендарного похода за царскими регалиями для византийского императора представителя Руси, «русина Лавра», и изображение его не только равным среди равных, но и венчающим дело, в соответствии со значением его имени (именно «русин» «Лавр» («Лавр») читает главную, последнюю часть надписи, в которой указан путь к венцам царя Навуходоносора), на наш взгляд, ближе всего отвечает политическим запросам Руси времени правления великого московского князя Василия I Дмитриевича (1389—1425). (Годы правления *Василия II Васильевича* (1425—1462) были ознаменованы внутривассалльной войной). С. о В. («Слово») могло быть написано в промежуток между 90-ми гг. XIV в. (после падения в 1393 г. Болгарии) и до нашествия на Москву Едигея в 1408 г. В эти годы Василий I, продолжавший политику объединения русских земель и находившийся в союзе с Великим Литовским княжеством, перестал платить «выход» (дань) Золотой Орде после разгрома ее Тимуром в 1391 г. (а затем в 1395 г.) и восстановил его выплату только после нашествия Едигея, в 1412 г. Именно в этот период времени, как свидетельствуют выписки Карамзина за 1393 и 1395 гг. из современной событиям *Троицкой летописи* (Свода 1408 г.) и грамота 1393 г. Василию I от византийского патриарха Антония, сильнее всего проявились претензии Руси на утверждение ее национального престижа. В литературе и архитектуре начинает господствовать тема торжества православной веры над «иноверными» «измаилътянами». Строится церковь Рождества Богородицы с престольным праздником в честь Куликовской битвы. В 1395 г. происходит торжественное перенесение из Владимира в Москву иконы Владимирской божьей матери, а затем создание повести о чудесном избавлении с помощью этой иконы от нашествия Тимура (*Повесть о Темир-Аксаке*). В 1393 г. в Москве как общенародное празднество, в присутствии великого князя Василия I и митрополита *Киприана*, происходит крещение трех именитых татар, принявших имена трех вавилонских отроков. Византийскому патриарху Антонию приходится урезонивать Василия I, убеждая, что присваивать себе царское имя и право поминания в церквах «не имеет никто из прочих князей и местных властителей». Грамота патриарха Антония 1393 г. ближе всего идеям «Слова о Вавилоне»: в ней доказывается богоизбранность византийского императора и его верность православию, то, что он остается «поборником и защитником» церкви, хотя его землю окружили «язычники».

Легендарно-политическое С. о В. анонимно, однако анализ литературных источников памятника, его жанровой природы и стилистических особенностей, раскрытие символики названий (Вавилон, Иерусалим, Индия) и значения личных имен (трех посланцев и «греческого» царя) позволяют увидеть в его авторе искуснейшего книжника, изощренного в риторике и грамматике. Создание нового сюжета легенды потребовало от него широкой начитанности в библейской истории, апокрифической, переводной и оригинальной литературе, знания византийских хроник и устных легенд, русских летописей и произведений устного народнопоэтического творчества. Жанровая природа созданного им памятника сложна и сочетает в себе разные жанровые и стилистические признаки (черты «слова»,

«хождения ко святым местам»), сказочно-былинные поэтические приемы (зачин-загадка, гиперболы, троичность чисел и др.). Композиционная схема памятника полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала: обсуждение состава посольства, «наказ» царя послам и его текст, исполнение миссии и получение грамоты с приведением текста, церемония очередного приветствия царя каждым посланцем по возвращении и традиционное одаривание их перед роспуском по домам. Создавая новый сюжет легенды, автор строго следовал принципам средневекового историзма древнерусской литературы, допуская лишь элементы домысла (но не вымысла), «додумывая» возможную историческую ситуацию, в какой для византийского императора были добыты из Вавилона грамоты-«знамения», и изложил свой домысел в полном соответствии с известным ему средневековым посольским церемониалом.

Осведомленность русского автора в актуальных проблемах современной ему русской и международной политики рубежа XIV—XV вв., знание чина венчания византийских императоров и посольского церемониала позволяют предположить в нем книжника, близкого русским посольским или митрополичьим кругам той поры.

Изд.: Буслев Ф. И. О русских пословицах и поговорках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Галачевым. М., 1854. Кн. 2, 2-я половина. С. 47—49 (4 отд.); Пыпин А. Н. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве // ИОРЯС. СПб., 1854. Т. 3. С. 313—320; Тихонов Равов Н. С. Повесть, как приходил греческий царь Василий под Вавилон град // Летописи Тихоновова. Т. 1, ч. 2. С. 161—162; ч. 3. С. 161—165; Т. 3, ч. 3. С. 20—31; ПЛ. Вып. 2. С. 391—392, 394—396; Лопарев Х. М. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 383—385 (ПДП. Вып. 105); Жданов И. Н. 1) Повести о Вавилоне и Сказание о князьях владимирских // ЖМНП. 1893, октябрь. С. 362—368; 2) Русский былевой эпос. 1. Повесть о Вавилоне и Сказание о князьях владимирских. СПб., 1895. С. 1—151; Прил. 6. СПб., 1896. С. 575—587; Скрипиль М. О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 119—144; Скрипиль. Русские повести. С. 85—87, 251—253, 407—413; Сказание о Вавилонском царстве / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленковой // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 182—187, 596—597.

Лит.: Веселовский А. Н. 1) Отрывки византийского эпоса в русском: Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Пб., 1876. Т. 3. С. 122—165 (то же на нем. яз. : Die Sage vom babylonischen Reiche // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1877. Bd 11. S. 129—143, 308—333); 2) Заметки по литературе и народной словесности. II. Древнерусская повесть о Вавилонском царстве и так называемые Видения Даниила // СОРЯС. 1883. Т. 32. № 7. С. 9—14; 3) Рассыскания в области русского духовного стиха (гл. 11. § 5) // СОРЯС. 1890. Т. 46. С. 89—93; 4) Сказание о Вавилоне, скинии и св. Граале // ИОРЯС. 1896. Кн. 4. С. 647—694; Потанин Г. Н. 1) Богдо Гэсэр и славянская повесть о Вавилонском царстве // Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 106—121; 2) Мелкие фольклорные заметки. 5. Этимология в повести о Вавилонском царстве // Там же. 1895. № 1. С. 127—129; Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // ИОРЯС. 1930. Т. 3, кн. 2. С. 432—433; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 96—105; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 302—305; Назаревский. Библиография. С. 59—61; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 679—682; Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 404—414; Дробленкова Н. Ф. 1) По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 129—135; 2) Взаимоотношение литературы и деловой письменности в XV в. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 56—65; 3) К вопросу о средневековом историзме: («Обежания» Сказания о Вавилоне граде) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 116—128; 4) «Царица Александрия, родом арменина...» в древнерусском легендарно-политическом Сказании // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 375—386; Тудоровская Е. А. Сказки о Борне Ярыжке (Вавилонское царство) // Русский фольклор. М.; Л., 1975. Т. 14. С. 173—185.

Н. Ф. Дробленкова

Сказание о Владимирской иконе богоматери — рассказ о чудесах святыни Русского государства Владимирской иконы богоматери.

До нашего времени сохранилось более 50 списков произведения XVI—XIX вв., не считая С. в многочисленных списках Степенной книги, *Лицевом своде Ивана Грозного* и в некоторых летописях.

Повествование открывается обширным торжественным вступлением, в котором кратко пересказываются основные события: «Месяца августа в 26 день. Повесть на сретение чудотворного образа Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, его же написа богогласный евангелист Лука, самовидно зря на истинную богородицю при животе ея; и како божественная та икона бысть в Рустей земли: первое во граде Киеве и в Вышеграде, преславно в церкви на воздухе являясь и како преиде во град Владимирь и отнеле же нарецашся икона Владимирская и ея же ради вины прииде в боголюбивый царствующий град Москву и паче надежда соугубо чудесно избавление нам содея от нахождения безбожнаго и зловернаго царя Темирь-Аксака; и о составлении монастыря, иде же сретоша той пречистый Богоматери образ» (ГБЛ, Волоколамское собр., № 632, л. 226—265).

Относительно времени создания С. в исследованиях высказывались разные мнения. Так, С. К. Шамбинаго указал на сходство произведения с литературой XIV в., считая, что его автор был одновременно и создателем *Повести о Темир-Аксаке* (Шамбинаго С. К. С. 220—221). И. Н. Тотубалин, напротив, отметил поздний характер С. по сравнению с *Повестью о Темир-Аксаке*, но, к сожалению, не датировал произведение (Тотубалин И. Н. С. 379). В. П. Гребенюк, посвятивший С. несколько исследований, пришел к выводу, что оно было написано непосредственно для Лицевого свода Ивана Грозного, составленного в 1553/1554—1560 гг. (Гребенюк В. П. Лицевое «Сказание...». С. 340, 342). Однако вопрос о датировке Лицевого свода был пересмотрен Б. М. Клоссом, убедительно доказавшим, что работа над ним проходила позднее, в 1568—1576 гг. (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 245—249, 265). Но к этому времени С. уже было написано и читалось в Степенной книге, созданной, по мнению исследователей, в 1560—1563 гг. (Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 212—217, 243), и в рукописных сборниках, датированных по филиграням 50-ми гг. XVI в.: 1) ГБЛ, ф. 304, № 793, сборник первой трети XVI в.; листы, на которых помещен отрывок С. (6 об.—7 об.), написаны иным почерком, чем весь сборник, и датируются 1559 г.; 2) ГБЛ, Волоколамское собр., № 632, сборник житий святых 1540—1550-х гг. Итак, С. было составлено раньше Лицевого свода и, вероятнее всего, впервые появилось в Степенной книге в 1560—1563 гг.

Создавая большое компилятивное произведение, автор привлек к работе значительное количество источников, основными из которых стали «Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери» XII в., «Повесть о Темир-Аксаке» в редакции *Никоновской летописи* и рассказ о завоеваниях Тимура до похода на Русь, по-видимому также из Никоновской летописи. Для необходимых дополнений и уточнений создатель С. использовал «Повесть о Темир-Аксаке» редакций А (типа *Софийской второй летописи*) и Б из Московского летописного свода. Из летописных источников, подобных известиям Никоновской летописи и статьям, предшествующим Комиссионному списку НИЛ младшего извода, он черпал сведения, отсутствующие в главных источниках: о смерти Юрия Долгорукого, чуде и строительстве церквей в Боголюбове, подробностях строительства Успенского собора во Владимире и явлении Владимирской иконы великому князю Всеволоду за Суздалем. Из нелетописных источников («Сказание о чудесах иконы Римляныни» и «Сказание о Тихвинской иконе богоматери») автор составляет рассказ о чудесах и явлении на Тихвине Лидской иконы богоматери. В С. он также упоминает о создании Успен-

ского собора Киево-Печерского монастыря, о покровительстве богородицы митрополиту *Петру* и Сергию Радонежскому.

Рассказы о чудесах богородичных икон имели большое публицистическое значение. Автор С. стремился подчеркнуть общегосударственную значимость культа Владимирской иконы, покровительствовавшей еще в XII в. Киеву и Владимиру, а с конца XIV в. столице Русского государства — Москве. Мысль об особом покровительстве богородицы столице, об избранности Москвы среди других русских городов становится доминирующей в С. Сообщая о перенесении иконы Владимирской богородицы из Царьграда в Киев, а также сравнивая ее историю с историей «хождения» из Византии в Рим византийской святыни — Лидской иконы богородицы, впоследствии «поселившейся» на Руси, в районе Тихвина, автор С. развивает основное положение теории «Москва — третий Рим» — идею о византийском наследии.

Большинство списков произведения без изменений передают текст С. Степенной книги, но в рукописных сборниках встречается его расширенный вариант, в котором основной текст дополняется рассказом о «демократических» чудесах Владимирской иконы, заимствованным из С. XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 555, сборник житий и похвальных слов, конец XVI—первая половина XVII в., л. 864—889).

Обширный круг источников, использованных автором, мастерство их обработки, торжественность и эмоциональность стиля, общегосударственное значение выдвинутых идей указывают на образованность и незаурядные литературные способности создателя С. Не исключено, что автором С. мог быть и митрополит *Макарий*, в кругах которого составлялась Степенная книга, и ее непосредственный создатель — царский духовник, протопоп Благовещенского собора Андрей—*Афанасий*.

Идейная направленность С. существенно повлияла на его жанр. По определению П. Г. Васенко, это торжественное слово, читаемое в особо торжественные дни (Васенко П. Г. С. 228, примеч. 3). Но уже в XVI в. произведение переписывали в сборники для ежедневных чтений. История Владимирской иконы была переработана для статей кратких летописцев, она пересказывалась в известиях о чудесах богородичных икон, а миниатюры Лицевого летописного свода стали образцами для росписей ярославских церквей и клейм икон Владимирской богородицы.

Изд.: Повесть на стретение чудотворьнаго образа. . . нарицашеся икона Владимирская. . . : книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 424—440 (то же // Сказание в Лицевом летописном своде // ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. Прил. С. 243—254).

Лит.: Ш а м б и н а г о С. К. Исторические повести. Гл. 2. № 2 // ИРЛ I. Т. 2, ч. 1. С. 220—222; Т о т у б а л и н И. Н. «Повесть о Темир-Аксаке» // С к р п и л ь. Русские повести. С. 378—385; Г р е б е н ю к В. П. 1) «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; 2) Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богородицы» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338—363.

И. Л. Жучкова

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии — древнерусская повесть, соединяющая в себе элементы публицистичности и беллетристичности. Она создана во второй половине XVII в. (не ранее 1655 г.). Автор ее неизвестен. В ней рассказывается о построении в княжение Даниила Ивановича (по некоторым спискам Даниила Александровича) городов Юрьева Польского, Алексина; центральное место в С. занимает рассказ о «зачатии» «престольного града» Москвы и особенно Крутицкого архиерейского дома. Князь Даниил — лицо вымышленное. Однако в повести отражены реальные исторические события. В основе произведения лежит имевший место в действительности во второй половине XVII в. эпизод

из истории Крутицкой епархии, когда патриарх Никон попытался уничтожить владения Крутицкого митрополита под Москвой. С. написано в защиту интересов Крутицкого владыки. Автор проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа кесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей.

С. известно в 21 списке конца XVII—XVIII в., которые относятся к двум видам.

Изд.: Карамзин ИГР. Т. 2. С. 169—173. Примеч. 301; Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 28—29; Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 215—216; Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 245—250.

Лит.: Смирнов С. Сказания русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. С. 38—40; Буслев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонова. Т. 4. С. 14—15; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 92—98; Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 379—380.

М. А. Салмина

Сказание «О Кипрском острове и о подножие креста Христова» — антитурецкое сочинение, известное в Московской Руси в первой трети XVII в. и повествующее о силе христианских реликвий Кипра, находящегося под властью турок.

С. состоит из трех коротких эпизодов. В первом сообщается о якобы кипрском происхождении супруги византийского императора Юстиниана I Феодоры, о неприступной морской крепости Киринее («А взятъею того града взяти не умети никоторыми делью»), которую не смогли захватить турки (якобы державшие город в осаде 21 год), несмотря на многие хитрости. Этот воинский эпизод как бы восходит к впечатлениям очевидца, описавшего гавань и ее укрепления, коварство турецкого царя и неустрашимость «граждан» Кириinei. Два других эпизода повествуют о христианских реликвиях Кипра — о богородичной иконе и о подножии креста Христова, что позволяет автору вновь рассказать о горькой необходимости «молитися от нахождения иноплеменных», а то и посрамить посланцев папы римского, коварно пытавшихся завладеть кипрской святыней. В С. сочетаются начитанность автора в древнерусских хождениях, повестях о чудесах от икон и знакомство с какими-то легендами. Возникновение С. связано с распространением на Руси устных преданий о Кипре, в том числе рассказанных приезжими греками-киприотами, нередкими гостями после турецкого завоевания Кипра в 1570 г. В С. проявляется сочувствие борьбе киприотов против поработителей острова, которое имело место в действительности (в виде раздачи «милостыни» — оказания материальной помощи разоренным монастырям). С. известно в одном списке (ГПБ, собр. Погодина, № 1570, л. 185—189 об.) XVII в., опубликовано в 1962 и 1972 гг.

Изд.: Белоброва О. А. 1) Сказание о Кипрском острове // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 323—325; 2) Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 82—83.

Лит. Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 39—49.

О. А. Белобров

Сказание о князьях владимирских — литературно-публицистический памятник XVI в., использовавшийся в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем царской власти. В основе С. лежит легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной сто-

роны, состоял в родстве с Августом, с другой же — якобы был родственником Рюрика. Вторая легенда, входящая в С., повествует о приобретении *Владимиром Мономахом* царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Время появления этих легенд не установлено, и о существовании их до начала XVI в. ничего не известно. В 10-х гг. XVI в. (во всяком случае до 1523 г.) легенды были соединены в Послании церковно-публицистического писателя *Спиридона—Саввы*. На основании Послания примерно в это же время (не позднее 1527 г.) была составлена 1-я редакция С. о князьях владимирских. Авторы С. преследовали цель создать произведение, которое могло быть использовано в политической практике Русского государства. Идеи С. были использованы в дипломатических спорах при *Василии III* и *Иване IV*. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была использована составителями *Воскресенской летописи*, позднее была помещена как вступительная статья к Государеву родословцу 1555 г., включена в Степенную книгу. Текст С. был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство *Ивана IV*, в результате чего появилась 2-я редакция. Рассказ о приобретении *Владимиром Мономахом* царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания *Ивана IV* на царство в 1547 г.

Имя автора С. о князьях владимирских до нас не дошло. Однако в научной литературе высказано несколько предположений о возможном авторе этого произведения. Догадки об авторе определяются временем, которым исследователи датируют создание С. И. Жданов относил С. к концу XV в., считая, что *Спиридон—Савва* для своего Послания воспользовался уже существовавшим текстом С. По мнению И. Жданова, в конце XV в. автором такого произведения скорее всего мог быть *Пахомий Серб*, который много трудился по заказу московского правительства (Жданов И. С. 111—112). А. А. Зимин тоже считает, что С. было создано в конце XV в., но появление его связывает с конкретными политическими обстоятельствами — организацией торжественного венчания *Иваном III* своего внука *Дмитрия* (1498 г.). А. А. Зимин не называет никакого определенного лица как возможного автора, но и не считает создателем его *Пахомия Серба*. В последнее время А. А. Гольдберг высказал новую догадку об авторе первоначальной редакции С., которая, как он считает, до нас не дошла и была написана в конце 1510-х—начале 1520-х гг. Этим автором, по его мнению, мог быть *Дмитрий Герасимов*, литературно образованный и занимавшийся переводческой деятельностью русский дипломат, «способный воплотить в конкретной форме новые историко-политические идеи, сложившиеся в московских правящих кругах» (Гольдберг А. Л. С. 211). Как в случае с *Пахомием Сербом*, так и с *Дмитрием Герасимовым* нельзя признать высказанную догадку за установленный факт, который был бы серьезно аргументирован. Безусловно одно, С. о князьях владимирских было создано в среде, близко связанной с великокняжеской властью — если и не непосредственно, то через какое-то высокопоставленное лицо. Легенды по тексту С. впервые были использованы как официальная версия в *Воскресенской летописи*. Изучение обстоятельств создания этой летописи поможет в выявлении литературного круга, где было написано С.

Изд.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 171—213 (то же / Изд. текста и коммент. Р. П. Дмитриевой; Пер. Л. А. Дмитриева // ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI в. М., 1984. С. 422—435).

Лит.: Жданов И. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // И. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 62—150; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128—138; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204—216; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 217—230.

Р. П. Дмитриева

Сказание о Петре, воеводе Волосском, — литературный памятник XVII в., тесно связанный с сочинениями *И. С. Пересветова*. Героem С. о П., как и Большой челобитной Пересветова, является «волоский» (молдавский) господарь Петр IV Рареш (1527—1538 и 1541—1546), от имени которого автор дает советы русскому государю. Вопрос о происхождении С. о П. вызывал споры в научной литературе. И. Добротворский, издавший С. о П., считал и это сказание и сочинения Пересветова легендарными памятниками конца XVI—начала XVII в. Среди авторов, признававших историчность Пересветова, существовали разные мнения о С. о П.: часть из них считали С. более ранним памятником, чем известные нам сочинения Пересветова, часть — более поздней переработкой пересветовских сочинений. В настоящее время можно считать доказанной вторичность С. о П. по отношению к Большой челобитной Пересветова (ее близость к Щукинскому списку Большой челобитной и зависимость от Сокращенного извода сборника Пересветова). Автор С. о П., писавший в первой трети XVII в., исключил из текста наиболее смелые высказывания Пересветова — противопоставление «правды» «вере» и заявление, что в Московском государстве нет «справды», обосновал пересветовские высказывания против «порабощения» ссылкой на то, что «бог сотворил человека самовластна»; ввел антимусульманские высказывания и снял призывы к завоеванию Казани, ставшие анахронистическими.

Изд.: Добротворский И. Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1865. Т. 1, вып. 1; Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 341—349.

Лит.: Р ж и г а В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI в. СПб., 1908. С. 14—16; Щ е г л о в а С. А. Рец. на кн. В. Ф. Ржиги и Ю. А. Яворского // ЖМНП. 1911. № 3. С. 139, 141; P h i l i p p W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches // Osteuropäische Forschungen. Königsberg; Berlin, 1935. ч. F. Bd 20. S. 95—99, 115—119; П о л о с и н И. И. О челобитных Пересветова // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. 1946. Т. 35, вып. 2. С. 30—37; Л у р ь е Я. С. Комментарий к Сказанию о Петре, воеводе Волосском // Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 350—359; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 292—299.

Я. С. Лурье

Сказание «О победе Кипрской, или Оприходе турецкого и сорочинов на Кипрский остров» — сочинение, возникшее в конце XVI—начале XVII в. в посольской среде Москвы на основе сочувственного интереса к борьбе киприотов против иноземных, в том числе венецианских и турецких, поработителей острова и под влиянием устных преданий о военных событиях на Кипре. В С. сообщается о приходе к Кипру в 552 (6060) г. турок и «срацын» с войском численностью «12 сот тысяч». Кипрский князь собрал христианское войско, в составе которого были «фрязские и короли и князья», и расположил его под городом Талобот (искаженное Талабаис — Bella-Païs на севере острова). После кровавой битвы полки христиан возглавил неведомый владник «на сиве коне, лицом кощав» (Христос), который трижды оказывал чудесную помощь кипрскому войску; турки понесли огромные потери и вынуждены были снять осаду. Христиане погребают погибших воинов и разбегаются по домам. В рассказе немало анахронизмов и допущений. С. сочетает черты воинских повестей и легенд, прославляющих в особенности северные крепости Кипра. Апология борьбы киприотов и описание их побед над иноземцами (турками и сорочинами) отчасти объяснимы распространением в конце XVI в. непроверенных слухов об изгнании с острова вторгшихся вражеских полчищ (донесения московского посланника в Польше Г. Ф. Мещерского). С. известно в двух редакциях (всего в трех списках) и опубликовано в 1972 г.

Изд. Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972 (публикация текста, в двух редакциях). С. 76—81.

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 318; Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 385; Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонова. 1. Рукописи. М., 1913. С. 50.

О. А. Белоброва

Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича (в рукописной традиции известно под заглавием: «Сказание известно, когда и в кое время в велицей Росийстей земли просия яже во единого истиннаго в Троицы славимаго бога нашего вера христианская и благочестие утвердися, и коим образом росийстии митрополиты прияша власть от Константиноградских патриарх своими епископы поставлятися и сущих под ними поставляти, и когда и коим образом в царствующем граде Москве великий патриаршеский престол устроился, и кто бысть первый патриарх и по нем друзии; в нем же и о поставлении великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Руси самодержца, отца, великаго государя пресвященнаго Филарета Никитича, митрополита Ростовского и Ярославского, на превысокий патриаршеский престол царствующаго града Москвы и всеа великия Росии») состоит из двух частей: в первой — пространное известие о распространении христианства и введении патриаршества в России, вторая часть содержит краткую историю Смуты, написанную на основе «*Нового летописца*», так называемую «ставленную» грамоту иерусалимского патриарха Феофана и «чин» поставления Филарета.

Все исследователи, писавшие о С., относили время его создания к периоду после смерти царя *Михаила Феодоровича*. Л. В. Черепнин связывал его появление с деятельностью Записного приказа и считал, что оно было написано в 1658 г. Это мнение вполне убедительно, если иметь в виду С. в том виде, в каком оно опубликовано в ДАИ. Однако здесь представлена уже вторая редакция С. Первая редакция появилась в 1653 г. в составе Кормчей. Эта книга была напечатана в 1651 г., еще при московском патриархе *Иосифе*, но после завершения типографских работ она подверглась сверке с древними рукописными текстами. В 1653 г. по требованию патриарха *Никона* в Кормчую внесли ряд исправлений и добавлений. Главным дополнением явилось С., предваряющее текст Кормчей и написанное, как сказано в послесловии к нему, по прямому указанию Никона.

С. в Кормчей 1653 г. имело ряд отличий от второй редакции как в заглавии, так и в содержании. Его составители преследовали несколько иную цель — дать общую историю патриаршества в России с особым вниманием к доказательствам древности русской церкви, ее самостоятельности и независимости от вселенских патриархов. Поэтому в нем имеются материалы, которые не вошли во вторую редакцию: грамоты патриарха Иеремии, царя Федора Ивановича, сообщения обо всех русских патриархах до Никона.

С. в Кормчей разбито на несколько статей с самостоятельными заглавиями. Под заглавием, которое потом стало основой заглавия второй редакции — «С. . . . о поставлении. . . Филарета Никитича», в Кормчей содержится только так называемая «ставленная», или «благословенная», грамота Филарета, полностью вошедшая во вторую редакцию. Известно, что подлинник этой грамоты, подписанной иерусалимским патриархом Феофаном и высшими русскими архиереями, сгорел в московском пожаре 1626 г. По просьбе чрезвычайно обеспокоенного этим Филарета патриарх Феофан изготовил с присланной ему сохранившейся копии новую грамоту. Собор русских церковных иерархов тоже составил новую грамоту.

Основываясь на том, что «ставленная» грамота в С. сильно отличается от присланной Феофаном и написанной в 1626 г. в Москве, а объем пре-

вышает обе вместе взятые, историк русской церкви митрополит Макарий заявил, что в С. сохранилась подлинная «ставленная» грамота, не поднимаемая при этом вопроса о времени происхождения сказания (История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 8). Все позднейшие исследователи, хотя и относили происхождение С. к середине XVII в., не подвергали сомнению утверждение Макария. Между тем особенности грамоты в С. и сравнение ее с обеими грамотами 1626 г. приводят к иному выводу. Если грамоты 1626 г. имеют сугубо деловой характер, с документальной четкостью и кратко, как это свойственно документам, фиксируют акт поставления патриарха, то грамота в С., напротив, отличается чрезмерной пространностью и описательностью. Начинаясь изложением причин, побудивших Феофана ехать в Россию, и описанием сложнейшей путешествия, она затем подробно повествует об исключительности православия в России, об оказанном патриарху в Москве торжественном приеме. Грамота насыщена восторженными характеристиками Филарета и царя в стиле похвальных слов, риторическими обращениями к царю и народу с назиданием повиноваться новоизбранному патриарху.

Все эти не имеющие прямого отношения к поставлению патриарха черты присущи не документальному, а литературному произведению. Этот вывод находит подтверждение в заглавии грамоты в Кормчей 1653 г. Ее авторы не нашли возможным озаглавить произведение иначе, чем «Сказание» о поставлении Филарета, хотя и написали его в виде грамоты.

С. Ф. Платонов видел в С. все признаки «официального панегирика патриарху Филарету». Грамота о поставлении является кульминационным ядром этого панегирика.

Повышенный интерес в С., особенно в первой редакции, к вопросам, связанным с введением патриаршества в России, объясняется особым взглядом патриарха Никона на роль русской церкви и ее главы в христианстве и в общественно-политической жизни страны. Установление патриаршества, согласно С., было закономерным и неизбежным, поскольку в других странах православие пришло в упадок, а в России процветало. Эта мысль была основной в комплексе религиозно-политических идей XVI в. «Москва — третий Рим». Однако авторы С. пошли дальше идеологов XVI в., настойчиво подчеркивая самостоятельность русской церкви, ее независимость от влияния вселенских патриархов во всех вопросах веры, в том числе и в поставлении своего патриарха. Патриаршество в России введено с одобрения и санкции вселенских патриархов, но особой нужды в их разрешении не было, ибо Федор Иоаннович «и по власти можаше превысочайший престол патриаршеский устроить, яко царь и самодержец», а обращение к ним вызвано заботой о том, чтобы никто из религиозных противников не мог упрекнуть Россию в самовольном поставлении патриарха. Точно так же об избрании Филарета сообщается патриархам не потому, что без их утверждения его поставление невозможно, «но совершенного ради смиренномудрия», т. е. из моральных соображений.

Основное внимание во второй редакции С. уделено избранию Филарета Романова патриархом. Поскольку появление в России новой царской династии явилось результатом острейшего социально-политического кризиса конца XVI—начала XVII в., то в С. прослеживается судьба Романовых, особенно Филарета, в Смутное время. Однако события Смуты служили лишь фоном для рассказа о Романовых, поэтому они изложены описательно, а иногда искаженно, что обусловлено проромановской ориентацией авторов.

Одной из главных задач авторов было обоснование прав основателей новой династии на царский и патриарший престолы. По их мнению, избрание Романовых было законным и необходимым прежде всего потому, что они были ближайшими родственниками последних рюриковичей, т. е. наследниками и продолжателями угаснувшей династии. Филарет, кроме

того, что был «по матери царю Федору брат», обладал еще целым рядом достоинств, ставивших его вне конкуренции среди церковных иерархов: он с детства был подготовлен для высокой миссии, ибо «во священских законах и в царских обычаях воспитан», «бывый преже царского совета начальнейший боярин и в синглите зело нарочитый», искушен в государственных заботах, всем известен богословской эрудицией и непоколебимостью в вопросах веры. Заключается этот панегирик Филарету указанием на то, что он «по плоти. . . царев отец, и сего ради да будет царствию помощатель и строитель». Все содержание С. подводит к мысли об исключительности патриаршеского сана, носитель которого является прямым представителем бога на земле. Отсюда следует вывод о необходимости безоговорочного послушания и беспрекословного подчинения патриарху всей паствы. Сам царь должен почитать патриарха не только «по родству», но прежде всего «по превосходящему святительству». Эта мысль, созвучная идее патриарха Никона о подчинении светской власти церковной, во второй редакции С. ослаблена тем, что используется применительно только к Филарету, родному отцу царя.

Учитывая тот факт, что составители второй редакции С. резко сместили его идейную направленность, сделав центральной темой поставление Филарета патриархом, можно предположить, что она появилась после разрыва Никона с царем, т. е. не раньше осени 1658 г.

Характерные черты С. — многословная риторика, дидактика и многочисленные цитаты из патристики. Стиль «Нового летописца» не оказал заметного влияния на С. Написанный на основе «Нового летописца» рассказ о Смуте, как и все С., обнаруживает образность, свойственную церковной и агиографической литературе.

Изд.: Кормчая. М., 1653. Л. 1—37 об.; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 76.

Лит.: Платонов. С. 346—348; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // ИЗ. М., 1945. Т. 14. С. 113.

Г. П. Енин

Сказание о построении храма святой Софии («Сказание о создании церкви святыне Софии еже в Костянтине граде»; «Сказание о Софии Цареградской») возникло в Византии не позднее середины IX в. и переведено на Русь (время перевода остается не установленным). Греческий оригинал сохранился в списках XII в. Древнерусские списки С. относятся к XV—XVII вв. Они известны в составе *Еллинского летописца* второй редакции и в составе *Хронографа*; в сборниках С. встречается редко. Исследователями отмечалась насыщенность С. историческими реалиями: названы византийские императоры, в их числе заказчик строительства Юстиниан, патриарх Евтихий; приведены даты, размеры храма; перечислены строительные материалы, описаны внешний и внутренний облик храма и его утварь, сообщено о падении купола в правление Юстина и о его восстановлении и т. д. Между тем в повествовании присутствует легендарный элемент: явление ангела, показавшего царю во сне, какова будет церковь; чудеса — о недоставшем злате, о трех оконцах, о наречении ангелом имени церкви. С. оказало определенное влияние на оригинальные древнерусские повести об основании монастырей и о строительстве почитавшихся храмов. С. Г. Вилинский, к 1900 г. выявивший и опубликовавший южнославянские списки С., в 1903 г. доказал их зависимость от древнерусского перевода.

Изд.: Сказание о создании великия божия церкви св. Софии в Константинополе / Предисл. К. К. Герца и Ф. И. Буслаева // Летописи Тихохранова. Т. 2. Отд. 2. С. 1—36; Леонид, архим. Сказание о св. Софии Цареградской: Памятник древней русской письменности XII века. СПб., 1889 (ПДНП. Вып. 78); Вилинский С. Г. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 1—43.

Лит.: Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872; Вилинский С. Г. Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской. Одесса, 1900; Сперанский. Из истории. С. 64—67; Творогов О. В. К изучению древнерусских хронографических сводов: (1. Редакция Еллинского летописца. 2. О происхождении Хронографа западнорусской редакции) // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 402—404.

О. А. Белоброва

Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича — принятое в научной литературе заглавие памятника. Оно соответствует содержанию произведения лишь в незначительной степени. Царю Феодору и его царствованию в С. уделено места меньше, чем каждому из других главных героев, и лишь постольку, поскольку события, рассказа о которых составил первую часть С., произошли в его правление. В большей мере отражает содержание С. существующее в рукописной традиции (с небольшими разночтениями в разных списках) пространное заглавие — «Сказание о царстве царя и великого князя Феодора Иоанновича, и о убиении брата его царевича Дмитрия Иоанновича, и о царствии злопрелестника и святоубийца Бориса Годунова, и о прелести злопроклятого еретика Гришки Отрепьева». Однако и это заглавие вобрало в себя не все главные моменты С. Частичное несоответствие заглавия С. содержанию обусловлено особенностями использования его автором основных источников — «*Повести, како вослаши неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» и «*Жития царевича Дмитрия*» из Миней Иоанна Милютина. С. полностью сохраняет идейное содержание источников: публицистическую направленность на обличение *Годунова* и *Отрепьева* и прославление Феодора Иоанновича и Василия Шуйского, но в заключительной части автор С. акцентирует внимание на избрании царем и начальном периоде царствования Шуйского, снабдив рассказ о нем особым подзаголовком: «О царствии государя царя и великаго князя Василья Иоанновича всеа России».

То обстоятельство, что автор С. почти не изменяет количество событий и фактов, не выходит за хронологические границы источников и сохраняет их идейное содержание, вызвало появление в научной литературе версии о возникновении памятника в 20-х гг. XVII в. Однако она нуждается в более основательных текстологических и палеографических доказательствах. Предпочтительнее выглядит датировка С. Ф. Платонова, который, основываясь на том, что С. сохранилось только в списках XVIII в., перечисленных в его книге, и на особенностях языка С., относил его создание к концу XVII в. Следует отметить и то, что литературная манера автора С. не находит подобия ни в одном произведении первой трети XVII в. По словам В. П. Адриановой-Перетц, С. обнаруживает «явные признаки бытового повествования».

Литературные особенности С. вытекают из отношения его автора к источникам. В отличие от других писателей, которые старались сохранить заимствованный материал в неизменном виде, автор С. обращается с источниками чрезвычайно свободно. Например, чтобы ярче оттенить роль Василия Шуйского как организатора восстания против Лжедмитрия I и показать его авторитет в народе, он заменяет общеизвестный факт возвращения Шуйского из ссылки самим самозванцем известием о том, что его вернули москвичи, когда им «омерзело» поведение Отрепьева. Используя отдельные выражения источника, он сознательно изменяет их так, что они приобретают совершенно другой смысл. Например, в «П., како восхити. . .» быстрое продвижение Лжедмитрия I к Москве объясняется тем, что все города сдавались ему добровольно, «а за щитом богомерзкий он не взя ни единой веси» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 159). В С. эти слова выражают совсем другую мысль: «А шел он окаянный в то время за щитом, нельзя некоторыми делы его вскоре узнать».

Автор С. легко вводит новые факты, причем всегда либо вымышленные, либо имевшие место в другое время и при других обстоятельствах. К ним относится, например, сообщение о том, что царевича Димитрия сопровождали в Углич огромная свита и «четыре приказа стрельцов». Из того, как автор изображает действительные, многократно описанные до него события, видно, что он не считал себя обязанным придерживаться подлинных фактов и давал волю собственной фантазии. Трудно допустить, что он действительно считал не «тушинского вора», а Лжедмитрия I отцом сына Марины Мнишек, которую, согласно С., Василий Шуйский, умерший раньше ее, сперва отправил в ссылку, а потом велел вместе с сыном «в струбе сожещи».

Схематичные описания событий и краткие упоминания о них в источниках становятся в С. сюжетной основой обширных и вполне завершенных рассказов. Так, например, беглое сообщение «П., како восхити. . .» о пристрастии Бориса Годунова к волшебству превращается в С. в просторную и насыщенную вымышленными подробностями сцену волхования. При этом автор всегда стремится достичь в своих вставках полной убедительности. В отличие от предшественников, рисовавших поведение героев условно-этикетными формулами, он наполняет каждый рассказ конкретизирующими события или поступки людей деталями и подробностями, настолько жизненно правдивыми, что создается обманчивое впечатление полного правдоподобия всей картины. Наглядным примером может служить сцена убийства царевича Димитрия. Убийцы спрятались под лестницей. «И как царевич пошел по леснице и будет посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговской скоро вскочил. . . и ухватил его. . . сквозь лесницу за ноги, сын же его, Данилка, за честную его главу. . . , племянник же Микитка Качалов вынял нож и заколол его».

Существенные расхождения с источниками наблюдаются в изложении причин разных событий. Традиционное провиденциальное объяснение и в С. остается главным, но, видимо, не удовлетворяет автора, поэтому он пытается вскрыть реальные причины, а если не находит их, то прибегает к вымыслу. Причины признания беглого монаха сыном *Ивана Грозного* он объясняет, раскрывая поведение Отрепьева с помощью вымышленных бытовых деталей, а поведение русских людей — через легко объяснимые психологические состояния. Во-первых, в городах, через которые самозванец шел к Москве, не было людей, знавших его раньше; во-вторых, он скрывался «за щитом», из-за чего узнать его было невозможно; в-третьих, он «власами оброс и мужеством возмужал и пременялся в лице». Русские же люди считали, что он послан свыше в наказание Борису Годунову, и радовались, ожидая избавления от Бориса, а те, кто узнал в самозванце Отрепьева, молчали «страха ради смертнаго». Однако автор С. не всегда справляется с полетом своей фантазии и часто впадает в противоречия. Стремясь подчеркнуть важность участия в событиях Василия Шуйского, он помещает рассказ о том, что Лжедмитрий задривал Шуйского, боясь разоблачения, поскольку боярин знал его еще дьяконом Чудова монастыря. Шуйский долгое время не узнает его, т. е. считает настоящим царевичем Димитрием, чего не могло быть, поскольку в начале С. Шуйский сам хоронит подлинного царевича. Чувствуя, вероятно, эту противоречивость, автор С. прибегает к спасительной формуле: «уж то так богу изволившу попустити грех ради наших».

Значительно сложнее, чем в источниках, становятся в С. образы главных героев. Если в «П., како восхити. . .» сделан еще только первый шаг к изображению различных сторон характера Годунова, то в С. он имеет уже развернутую разностороннюю характеристику. Годунов — преступник и злодей, увлеченный предосудительным чародейством, преследователь бояр, но, с другой стороны, он был «человечен и велеречен, и умом превзыде многих; и бог его одарил паче человек умом и человечеством».

Еще большую выразительность, по сравнению с Житием царевича Димитрия, на основе которого строится первая часть С., приобретает образ царя Федора. Благодаря развернутой прямой речи, использованию разговорной лексики, которая меняется в зависимости от обстановки, и передаче психологических побуждений царя в разных ситуациях он предстает в С. не в схематичном иконописном изображении, а наделенным обычными человеческими качествами, — правда, только положительными. Он мягок, добр и доверчив, но может быть твердым и мужественным.

Образы двух других главных героев в С., Отрепьева и Василия Шуйского, почти не испытали изменений по сравнению с «П., како восхити. . .», поскольку заимствования из этого источника подверглись переработке в меньшей степени, чем заимствования из Жития.

В С. сохраняются многие характерные признаки стиля исторических повестей начала XVII в.: дидактизм и риторика, оценочные эпитеты, метафоры, пышные сравнения богослужебной литературы, цитаты из Евангелия и библейских книг. Неоднократно использует автор традиционный прием повторения одной мысли. А наизидание о том, что Годунов сам попал в положение, которое раньше создавал для других, многократно выражено формулой из Священного писания, применявшейся в древнерусской литературе в течение многих веков: «ров изры, ископа, и впадеса в яму, юже содела». Вместе с тем внимание к бытовым реалиям, попытка передать душевные побуждения героев привели к заметному упрощению стиля и языка. Показательным примером служат многочисленные афористические высказывания, к которым автор обнаруживает большое пристрастие. Наряду с книжными изречениями, подобными цитированному выше, в С. часто встречаются простонародные выражения: «и праведнику смерть страшна, не токмо что простому человеку»; «чего возжелал, то и получил» и т. д. Еще более это заметно в прямой речи героев, которая всегда обнаруживает зависимость от разговорного языка. Усиливает представление об оригинальности С. постоянное обращение автора к устному народному творчеству. Фольклорные заимствования видны и в словах царя Федора, и в афоризмах, отразивших народную мудрость, но с наибольшей силой проявляются в плаче царицы Марии Нагой, матери царевича Димитрия. Этот плач — подлинная похоронная причеть. В. П. Адрианова-Перетц писала, что «по свежести выражения подлинного материнского горя этот плач может быть признан одним из старших образцов нового реалистического стиля в литературе XVII в.».

Изд. РИБ. СПб., 1899. Т. 13. Стб. 755—836.

Лит.: Платонов. С. 413—418; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 149—150; 2) Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 76—77; ИРЛ. Т. 2, ч. 2. С. 67—68; Лихолат С. В. Литературные особенности историко-публицистических произведений начала XVII века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 4, 16—18.

Г. П. Енин

Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. Существуют две — написанные с разрывом в полвека — повести об успешной обороне Тихвинского Богородице-Успенского монастыря от шведских войск. По своему содержанию они сближаются с псковско-новгородскими повестями о Смуте. Наиболее ранняя из них — краткое «Сказание о осаде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго Одигитрея чудотворных иконы Тихвинския» — вошла в состав НЗЛ и, в сокращенном виде, в «Сказание об иконе Тихвинской богоматери», но до этого существовала как самостоятельное произведение, написанное вскоре после событий 1613 г. Подтверждением этому служит одна особенность сказания в летописи, где в противоречии с документальными материалами и более

точным в данном случае позднейшим сказанием говорится, что воеводы Вельяминов и Прозоровский были посланы царем под Новгород. Правильное известие о походе воевод в Псков было заменено при включении сказания в летопись.

Ранняя повесть составлена одним из защитников монастыря, человеком, по-видимому, воинского звания. В описании штурмов и сражений за пределами монастыря автор приводит такие подробности и детали, которые обличают в нем знатока воинского дела, свободно владеющего профессиональной лексикой. Вся повесть написана простым, часто близким к разговорному языком с ощутимым влиянием стиля воинских повестей. Автор применяет обычные в воинских повестях сравнения, метафоры, формулы для изображения растерянности и отступления неприятеля: «нападе страх и трепет велик на поганых», «побегоша погании от Тихвины посрамлени» и т. д. Все победы над многочисленными врагами одерживаются с помощью богородицы. В целом, раннее сказание содержит живой безыскусный рассказ о тяжелой борьбе за сохранение Тихвинского монастыря в составе русского государства, наполненный многочисленными фактами, именами, реалистическими подробностями в описаниях мелких и крупных событий, составивших историю осады.

Иной характер имеет созданное в 1658 г. на основе переработанной ранней повести «Сказание о милости пресвятыя владычицы наша богородицы и приснодевы Марии, како преславно избави обитель свою, иже на Тихфине, идеже святыи ея чудотворный образ Одигитрие, от нашествия зловерных варяг, иже Свияне наричются». Его автором некоторые исследователи признают на основании косвенных данных иконника Тихвинского Успенского монастыря Иродиона Сергеева. Вместе с тем в литературе высказывалось мнение, что в 1658 г. сказание было списано с более раннего списка, что дает основание считать И. Сергеева простым переписчиком (Б е р е д н и к о в Я. И. Историко-статистическое описание Тихвинского Богородицкого монастыря. 3-е изд. Новгород, 1906. С. 22—36, примеч. 19). Позднейшее сказание резко отличается от раннего по целому ряду признаков, хотя сохранило всю его фактическую основу. Сказание представляет собой обширное повествование, состоящее из 122 глав, лишь 43 из которых (гл. 25—67) опубликованы. События 1613 г. рассматриваются здесь в более широкой исторической перспективе, в связи с чем автор использовал в 25-й и 27-й главах в качестве источников *Хронограф* редакции 1617 г. и «*Новый летописец*». Чтобы объяснить появление шведских войск в России, захват ими Новгородских земель, автор начинает повесть с рассказа об осаде Москвы Лжедмитрием II и освободительном походе русских войск и шведских наемников под руководством князя Н. В. Скопина-Шуйского в 1608—1610 гг. Заканчивается сказание описанием событий, последовавших за осадой монастыря в 1613 г., и сообщением о заключении Столбовского мирного договора в 1617 г.

Если краткое сказание повествует об обороне монастыря от шведов, то пространная повесть представляет собой сказание о чудесах и явлениях богородицы во время осады, количество которых увеличилось по сравнению с краткой повестью, а их объемистые описания снабжены отдельными подзаголовками. По словам автора, в сказании «милость богоматере да глаголется, а не ратных обычай». При этом совершенно исчезают зримые подробности кровопролитной борьбы, героизм и самопожертвование защитников монастыря, свойственные первому сказанию. Они не столько сражаются, сколько молятся, умиляются чудесами, постоянно плачут, отчаиваясь или благодаря богородицу. В намерение автора входило показать, что шведы воевали, сами того не подозревая, не против русских людей, но «противу всеильного света Христа матере».

Д. С. Лихачев писал: «Цель пространной повести — прославить новыми чудесами Тихвинский монастырь, и потому она не столько рассказывает о событиях, сколько поучает. . . , передавая их назидатель-

ный смысл, чтобы возбудить в читателе благочестивое настроение». Автор решает эту задачу разными способами. Кроме описания чудес он помещает риторическое отступление, чтобы показать, что забота царя *Михаила Романова* о Тихвинском монастыре традиционна: еще отец *Ивана Грозного* и сам Грозный проявляли особое внимание к монастырю, в котором хранилась чудодейственная икона Тихвинской богородицы. В настойчивых попытках шведов овладеть монастырем и в стремлении правительства *Михаила Федоровича* не допустить этого автор видит еще одно доказательство высокого значения Тихвинского монастыря — как последней крепости на северо-западном рубеже, препятствующей распространению шведской интервенции в глубь России: «...сию токмо во окрестных пределах Великаго Новаграда его царская держава обдержажше и тою веселяшеся». Завершает автор прославление монастыря чудесным волеизъявлением богородицы, которая не позволила сдвинуть с места свою икону, когда отчаявшиеся защитники хотели покинуть обитель и унести ее с собою.

Идейное содержание позднейшей повести позволяет отнести ее к жанру сказаний о местных святынях. Признаки агиографического жанра обнаруживают и использованные в ней художественные средства. Еще С. Ф. Платонов отметил «риторическую напыщенность повести». Сказание написано в торжественно-пазидательном тоне, витиеватым слогом, насыщено молитвами, обращениями к читателю, высокопарными сравнениями, книжными эпитетами и метафорами. Из-за намеренно архаизированного языка с обилием славянизмов повествование становится тяжеловесным и трудно читаемым. Описание отдельных боевых действий автор стремится передать всегда обобщенно, причем воинские термины краткого сказания заменяет словами, соответствующими общему языку своей повести. Так, туры переименованы в «крепостные домовища», рвы и валы — «земленная ухищрения». Вместо реалистического, наполненного подробностями рассказа ранней повести о длительной подготовке шведов к штурму и о самом приступе в позднейшем сказании лишь отмечено, что они совершали «некая кознодействия крепостна зело». В отличие от краткого, пространное сказание существует в рукописной традиции в отдельных списках, наиболее полный перечень которых дан в книге С. Ф. Платонова.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 267—273, 283—305; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 405—448.

Лит.: Платонов. С. 426—427; Лихачев Д. С. Литература 1590—1630-х годов // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Гл. II, § 7. С. 75—76; Иванова И. А. Икона Тихвинской богородицы и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской богородицы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436.

Г. П. Енин

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы сюжетно соотносимо с «*Повестью о зачале Москвы*». Однако в отличие от нее С. совершенно отстает от исторического правдоподобия: в нем рассказывается, как князь Даниил Александрович Суздальский был убит братьями Кучковичами по наущению влюбленной в них княгини Улиты. Узнав о гибели Даниила, его брат Андрей расправляется с заговорщиками и на месте их «сел красных» основывает Москву. Исторический Даниил княжил в Москве в конце XIII—начале XIV в., а изложенная в С. история его гибели — это литературная реминисценция из «*Повести о зачале Москвы*», в которой рассказывается об убийстве *Андрея Боголюбского* тем же Кучковичами, по наущению княгини Улиты, но там жена князя Андрея — не возлюбленная Кучковичей, а их сестра.

Автор С. неизвестен. Его атрибуция проповеднику *Каменевичу-Рвовскому* представляется неосновательной. С. было создано не ранее

второй четверти XVII в., но и не позднее 1684 г. — времени сложения *Новгородской Забелинской летописи*, в составе которой С. уже находится, и при этом не в первоначальном своем виде.

Источниками С. помимо «Повести о зачале Москвы» явились паремийное чтение о Борисе и Глебе и, вероятно, какие-то устные легенды.

Первоначальный вид С. обнаружен в сборнике ГИМ, Музейское собр., № 3996 в составе летописца. Кроме того, текст его встречается в более чем 50 списках XVII—XIX вв.

С. привлекало внимание своей сюжетной занимательностью; в XVIII в. его использовал как исторический материал А. П. Сумароков в статье «О первоначалии и созидании Москвы», опубликованной в январском номере «Трудолюбивой пчелы» за 1759 г. Текст С. неоднократно издавался.

Изд.: Сказание о начале Москвы / Сообщено А. Д. Чертковым // ВОИДР. М., 1851. Кн. 11. Отд. 3. С. 25—29; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. С. 185—190; Рыбников. С. 159—162; Лопарев Х. М. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы // ПДПИ. СПб., 1901. Вып. 141; Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 30—36; Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 13, 216—222; Повести о начале Москвы // Скрипиль. Русская повесть. С. 74—81, 235—242, 376—384; Салмина М. А. 1) Особая редакция «Сказания о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 316—321; 2) Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 199—244; 3) Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы / Подгот. текста и примеч. М. А. Салминой // Изборник: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 576—580; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // Русское историческое повествование XVI—XVII веков / Сост., предисл., подгот. древнерусск. текстов, пер. и примеч. Ю. А. Лабынцева. М., 1984. С. 156—161, 328 (по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 3996). — В том же издании под заглавием «Повесть о начале царствующего града Москвы» (С. 149—155, 327—328) опубликован второй текст «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», но по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 670.

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. Примеч. 418; Карамзин И. ИГР. Т. 2. Примеч. 301; Смирнов С. Сказание русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. Отд. 6. С. 36—40; Булаев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонравова. Т. 4. С. 11—13; Беляев И. Сказание о начале Москвы // РВ. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелин И. История и древности Москвы // И. Забелин. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 130—132; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—70, 75—92; Тихомиров М. Н. Сказание о начале Москвы // Изв. 1950. Т. 32. С. 236—241; Салмина М. А. 1) К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 231—234; 2) «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 272—280; Топоров В. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Сказания и повести о патриархе Никоне, написанные старообрядцами, — рассказы о патриархе *Никоне*, главном идеологическом противнике старообрядцев, появились очень рано и широко распространялись по стране в устной передаче еще при жизни патриарха. Первый свод этих рассказов был составлен в Пустозерске уже в 70-х гг. XVII в. сосланными сюда писателями-старообрядцами, которые оформили их в отдельную книгу под общим заголовком: «О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча антихристов». С. встречается в древнейших рукописях пустозерского происхождения, и прежде всего в Пустозерском сборнике — БАН, собр. Дружинина, № 746 (790) и рукописи БАН, собр. Дружинина, № 762 (806), датируемых 70-ми гг. XVII в. С. состоит из краткого введения, шести сюжетных статей и заключения. Эти статьи таковы. Введение (нач.: «Христос, истинный бог наш, спаситель всего мира,

предвозвести нам пресвятым своим евангелием о безбожных еретиках. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 218. № 13; изд.: Перетц. С. 163—164. Свидетельство о Никоне соловецкого старца Кирика (нач.: «Егда бывшу тому змию лукавому на патриаршестве. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 15; изд.: Перетц. С. 164—165. Свидетельство о Никоне старца Андрияна (нач.: «Вторый свидетель сему делу ученик его Никонов именем Андреан. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 16; изд.: Перетц. С. 165. «Како Никон хулил святых российских чудотворцев и из помяновенных книг вынял» (нач.: «Он же, Никон, окаянный хульник. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 17; изд.: Перетц. С. 165—166. О Нафанаиле Киевлянине (нач.: «Он же, Никон, сосуд лукаваго духа, мучил священноинок Нафана Киевлянина. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 18; изд.: Перетц. С. 174—175. О Иосифе Волоцком (нач.: «Он же Никон, преподобного Иосифа Волоколамского чудотворца злословил и поносил. . .»). Изд.: Перетц. С. 175—176. О приезде патриарха Никона в Москву, в Успенский собор (нач.: «И по сему знатно лукавство отступника Никона, егда богом изгнан ис церкви скверный он. . .»). Изд.: Перетц. С. 167—168. Заключение (нач.: «Слыши небо и внуши земле глаголы рабов христовых. . .»). Изд.: Перетц. С. 176. С. издано Н. И. Субботиним и В. Н. Перетцем не полностью по поздним спискам. О его авторе у издателей и исследователей нет единого мнения. Н. И. Субботин приписывает сочинение перу дьякона *Федора Иванова*. П. С. Смирнов, В. Н. Перетц и В. Г. Дружинин оставили вопрос об авторе открытым. В пользу принадлежности пустозерской редакции С. дьякону Федору говорит то, что во многих списках сочинение следует непосредственно за «Ответом православных» — главным идеологическим сочинением пустозерцев, созданным дьяконом Федором при участии его союзников в 1667—1669 гг. С. как бы продолжает имеющийся в «Ответе» перечень догматических нововведений Никона в церковную практику перечнем его частных, нравственных преступлений: «Богометство же его сие есть и кроме превращения догмат церковных». Особенности стиля и композиции С. очень близки к другим сочинениям Федора.

В XVIII в. возникает значительное количество новых сочинений о патриархе Никоне, нашедших отражение в старообрядческой письменности. Назовем прежде всего «Сказание о Никоне», встречающееся в рукописях вместе с *Житием* инока *Корнилия* в редакции инока *Пахомия*, созданной на Выгу в 1723—1727 гг., и ее «украшенной» переделке, принадлежащей выговскому уставщику *Трифону Петрову* (1731 г.). Названное «Сказание» является по существу выговской редакцией пустозерского сказания о Никоне патриархе с добавлением двух новых рассказов: «О Никоне, како носил образ пресвятыя Богородицы в башмаках» (нач.: «О том же Никоне хочу же вам, братия, сичеву вещь поведати. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 215—216. № 1; изд.: Перетц. С. 162—163), или «Видение Димитрия иже с Волги» (нач.: «Хочу вам, братия, о Никоне ину повесть поведати. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 14), и рассказа под названием «Повесть душеполезна о Никоне и змию» (нач.: «Поведоша отец Корнилий, яко слыша от соловецких старец. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 216. № 4; изд.: Перетц. С. 144—145). Как мы видим на примере первого из приведенных выше дополнительных рассказов о Никоне, включенных в выговскую редакцию Сказания о патриархе Никоне, он встречается в списках в двух вариантах — простом и «украшенном», что соответствует двум редакциям *Жития* инока Корнилия — Пахомиевской и Трифона Петрова. Это позволяет с некоторым основанием приписать этим выговским книжникам авторство выговской редакции С.

Другие повести о патриархе Никоне, встречающиеся в старообрядческой рукописной традиции XVIII—XIX вв., таковы.

1) Повесть о Никоне патриархе (нач.: «Глаголати о сем недоумеваю, иже не у младенчества устрабися. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 216. № 2; С. 217. № 6; изд.: Перетц. С. 169—173.

2) «Повесть о ерархе нашем Никоне, чюдна зело, достойна слышанию сотворити, да познают вси боящиеся господна и не надеются на его действие» (нач.: «Что сей ерарх сын сопротивника диявола отца нижайшаго сатаны. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 216—217. № 5.

3) «В лето 7150» (нач.: «И паки слышахом брата, глаголюща слово, како советова егда прииде к Никону Арсений старец пресмотреть вси книги печатныя и старописьменныя. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 217. № 7.

4) «Повесть о житии и рождении и воспитании и о кончине Никона бывшего патриарха московскаго и всея России, собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших» (нач.: «Понеже убо по древлецерковнем отеческом благочестии аще и горячею жалостию снедаем естъ. . .»). Создание этой повести В. Н. Перетц датирует временем «после 1716 г.». Ее автор использовал различные материалы, в том числе Житие патриарха Никона, написанное *Иваном Шушериным*. См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 217. № 8; С. 217—218. № 9; изд.: Бороздин. Прил. № 33. С. 145; Перетц. С. 177—190.

5) «О Никоне патриархе Московском, о еже за какихъ вины повелением царским извергоша его вселенстии и рустии архиереи. . . Извещение или объявление совершенное низложения Никонова и низвержения» (нач.: «Понеже Никон, бывший патриарх Московский. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 218. № 10.

6) «О патриархе Никоне», «выписано из обличения священномученика Аввакума протопопа о патриархе Никоне отступнике». В действительности протопопу *Аввакуму* не принадлежит (нач.: «О братия моя христомименитая, страждуща о Христе Иусе. . .»). См.: РИБ. Т. 39. С. LXXXIII; Демкова. С. 222, примеч. 53; изд.: Малышев. С. 189—191.

7) «Сказание о Никоне, беседа старцев» (нач.: «Некий брат поведаша, бывший слуга его верный. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 220. № 22.

8) «Разглагольствие Никона патриарха с Павлом епископом Коломенским о крестном знамении» (нач.: «Бышу разглагольствию у Никона патриарха с Павлом епископом Коломенским. . .»). См.: Белокуров. Т. 2. С. 31; Д р у ж и н и н. Писания. С. 220. № 25.

9) «Сказание о Никоне патриархе» (нач.: «Таковое бе житие в мире Никоново, понеже острожелчив и яростен и злопамятлив. . .»). См. в рукописи БАН, собр. Дружинина, № 154 (190), л. 156 об.—161 об., XIX в. (20-е гг.).

Все перечисленные здесь повести и сказания изучены недостаточно и требуют текстологического и литературоведческого анализа.

Изд.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. 6. С. XXVI—XXVII, 299—302; Перетц В. Н. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 1. С. 123—190; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. Прил. 33. С. 145; Малышев В. И. Древнерусские рукописи Путь киновского дома: (обзор фондов). Л., 1965. С. 177—178, 189—191 (издание текста).

Лит.: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 457—458. Примеч. 4; Дружинин В. Г. 1) О житии Корнилия Выгупустынского, написанном Пахомием // ЖМНП. 1884, сентябрь. С. 10—11; 2) Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 215—219; 3) Пустозерский сборник. СПб., 1914. С. 7 (Памятники первых лет русского старообрядчества); Макарий. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1855. Примеч. 325; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1900. С. XCII. Примеч. 160; Демков Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 222. Примеч. 53; Брещинский В. Г. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи

на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 127—128; Бубнов Н. Ю. Рукописное наследие пустозерских узников (1667—1682 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 80—81; Белокуров С. А. Арсений Суханов. 2-е изд. М., 1984. Ч. 2. С. 31.

Н. Ю. Бубнов

Сказания о Максиме Греке — рассказы о жизни и писательской и просветительской деятельности, иногда с подробностями сомнительной исторической ценности в духе житейного этикета, *Максима Грека*. Интерес ученых к этим памятникам обусловлен не только содержащимися в них сведениями о древнерусском писателе, но и свидетельством С. о М. Г. относительно легендарной библиотеки московских князей XVI в. Сохранилось 4 пространных С. о М. Г., причем датировка и атрибуция трех из них до сих пор остаются спорными.

1) «Сказание о преподобнем Максиме философе, иже бысть иннок святых горы Афонския преславных обители Ватопедския, иже zde пострада довольна лета за истину» (другой вариант: «Сказание о Максиме иноке святогорце Ватопедския обители») — наиболее популярное С. о М. Г., сохранившееся в большом количестве списков. С. А. Белокуров выделил две редакции С. — пространную и краткую; он считал, что краткая редакция является первоначальной. Напротив, И. Денисов доказывает, что древнейшей редакцией следует признать пространную (А), от которой зависят две другие (В и С, последняя редакция выделена И. Денисовым).

С. А. Белокуров, скептически относившийся к преданию о богатствах библиотеки московских государей, пытался доказать позднее происхождение С.; по его мнению, С. написано в Троице-Сергиевой лавре старцем *Иоасафом Сороцким* не позднее 1634 г. Основным источником С. ученый видел в сочинениях самого Максима Грека. Атрибуцию С. А. Белокурова следует признать несостоятельной, поскольку наиболее ранний список памятника — Горьковская областная библиотека им. В. И. Ленина, Р/9 — датируется концом XVI в. (С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 262). Противоположную точку зрения высказал А. И. Соболевский, который был убежден в существовании легендарной библиотеки и полагал, что С. написано вскоре после смерти Максима Грека. Датировку С. А. И. Соболевского поддержал и развил И. Денисов. И. Денисов считает, что С. написал *А. М. Курбский* до бегства в Польшу. В пользу своей гипотезы ученый приводит следующие данные: легенда о судьбе греческих книг, вывезенных из Константинополя, которая содержится в С., пересказывается также в сочинениях А. М. Курбского; отдельные факты биографии Максима Грека, которые сообщаются в С., повторяются в сочинениях А. М. Курбского; идентичность некоторых выражений в С. и сочинениях князя также, по мнению И. Денисова, указывает на одного автора.

На основании этого С. (с дополнениями из С. о М. Г. № 2) были составлены статья «Троицкия Сергивы лавры выписано из летописныя книги о Максиме Греке» и эпитафия у гроба писателя (опубликованы в кн. С. А. Белокурова — Прил. № 3, 8).

2) «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего» («Сказание о преведении Псалтири Толковия з греческаго языка на словенороссийский» — в выдержке из С. в рукописи ГПБ, Соловецкое собр., № 1046/1155) сохранилось в нескольких списках, из которых, по наблюдениям И. Денисова, наиболее исправные — ГИМ, Музейское собр., № 3809 и Милютинские миней четии (под 30 июня).

Большая часть исследователей местом написания С. считает Троице-Сергиеву лавру на основании следующих слов памятника: «Словес Максимовых есть болше ста в трех книгах: книга в десть на Москве во Андроньеве монастыре; а вторая в Сергиеве монастыре в полдесть, а в ней 74 главы;

а третья на Каменом» (причем выписки из сочинений Максима Грека приводятся по сборнику в 74 главы, т. е. Хлудовскому собранию; см.: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. С. 234—247). Д. Ф. Кобеко предлагает считать автором С. Феодосия Вятку, бывшего архимандритом Андроникова монастыря, а в 1570—1572 гг. — троицким архимандритом (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 139). Для датировки С. большое значение имеет текстуально близкое к нему краткое сообщение о Максиме Греке, написанное около 1591 г. «Исаием бывшим дьяконом, уроженцем Каменца Подольскаго» (опубликовано в двух редакциях в кн. С. А. Белокурова — Прил. № 1). Если А. В. Горский и К. И. Невоструев (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 580—581) считали, что краткое сообщение основано на С., то С. А. Белокуров настаивал на обратной зависимости памятников. Основываясь на том же сообщении, И. Денисов считает автором С. *Исаию Каменчанина*. По его мнению, Исаия написал С. в Троице-Сергиевой лавре между октябрем 1590 и апрелем 1591 г.

Помимо сочинений Максима Грека составитель С. пользовался С. о М. Г. № 1 (так считает И. Денисов) и предисловием *Силуана* к переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

3) «О премудром и многотрудном Максиме иноке Святыя горы, в коя времена баше зде в Росии великой, и откуду прииде, и како зде скончаша, и где положен бысть, и много божественная писания книг переведе; бе бо вельми хитрый в философии изяшен» сохранилось в четырех списках, бытовавших в старообрядческой среде: 1) Государственный Эрмитаж, Русский отдел, Э/РБ-30; 2) Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, 091/4195 к; 3) ГБЛ, собр. Прянишникова, ф. 242, № 136; 4) Научная библиотека Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, Отдел рукописной и редкой книги, Р/1238. Большинство ученых сходятся на том, что С. было написано в XVII или даже в XVIII в. (И. Денисов). Последняя датировка отпадает после обнаружения Эрмитажного списка С., относящегося к последней четверти XVII в. (л. 1—4, остальная часть рукописи начала XVII в.). По мнению И. Денисова, который обратил внимание на то, что, согласно С., греческие книги были обнаружены не только в Москве, но и в Новгороде, памятник был написан в Новгороде.

С. представляет собой компиляцию важнейших частей С. о М. Г. № 1 и 2; в нем использовано также предисловие Силуана к Беседам Иоанна Златоуста и, возможно, послание *Дмитрия Герасимова Мисюрю Мухому*.

4) Житие Максима Грека, составленное С. Ф. *Моховиковым*.

Изд.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Прил. С. XXIX—XXXVIII, XVII—XXVIII, XII—XVI. (Рец.: Соболевский А. И. // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1900. Вып. 13. С. 269—281 (перепечатано в кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 3. С. 208—223); Кобеко Д. Ф. // Отчет о сорок втором припадении наград графа Уварова (Записки имп. Академии Наук по историко-филологическому отделению. Т. 6. № 2). СПб., 1902. С. 183—208).

Лит.: Klostermann R. A. 1) Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53. 3.F.IV. S. 171—228; 2) Legende und Wirklichkeit im Lebenswerk von Maxim Grek // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. 24. S. 353—370; Denissoff E. 1) Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 7—20; 2) Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // Orientalia Christiana Periodica. 1954. Vol. 20. P. 44—84; 3) Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitain Isaïe Kopinski // Ibid. 1956. Vol. 22. P. 138—171; Шашков А. Т. 1) Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 97—98; 2) Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодицилогические заметки) // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 6—7;

Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин. Подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 15—16, 67—68.

Д. М. Буланин, А. Т. Шашков

Слово о ветхом Александре — южнославянская повесть. В списках С. называется «Слово ветхаго Александра, како уби Сиона, царе Амморейска, и Иога царе и 12-те царей ханааньских» (нач.: «Бысть град в восточней стране велик зело. . .») или «Бысть град велик зело в Анафолийской земли. . .»). Сюжет С. о в. А., бесспорно, зависит от сюжета южнославянской повести о Троянской войне, так называемой «Троянской притчи».

В С. о в. А. рассказывается, как жена царя Трояды Иоморя увидела сон, предвещавший, что от рожденного ею ребенка погибнет город (ср. вещий сон с тем же предсказанием, который видит Якама—Гекуба в «Притче»). Царица рождает девочку и заточает ее в башню, где та, лишенная общения с людьми, должна вырасти немой. Однако девушка чудесным образом заговорила на неведомом языке, составленном из разноязычных слов, и предсказала, что не она, а ее брат явится причиной грядущих бедствий. Родившегося у царицы мальчика оставляют в лесу (ср. судьбу Фариха—Александра в «Притче»), его вскармливает медведица. Затем ребенка приносят во дворец родителей. Ставший взрослым Александр видит во сне жену царя Сиона Егилду и решает ее добыть. Отправившись к царю Сиону под видом купца, он похищает Егилду. Сион с братом Иогом идут войной на Трояду (ср. похищение Елены и поход Менелая и Агамемнона). После долгой осады Трояду захватывают с помощью медного коня, изобретенного Паламедом (в «Притче» также упоминается медный конь, но Паламед не участвует в его создании). С помощью своего зятя — сарацинского султана — Александр в конце концов одолевает своих врагов, но увидев, сколько людей погибло и сколько городов разорено из-за одной женщины, отрубает Егилде голову, а сам бросается в море (мотив казни Елены имеется и в «Троянской притче», но там ей и Парису отрубает головы Менелай).

Исследователям известны четыре списка С. о в. А.: список XVI—XVII вв. собрания Одесского университета, № 38; список XV в. собрания Григоровича (там же); список XVI в. Библиотеки АН УССР, № 26 и список XVI—XVII вв. Бухарестской библиотеки. Однако современное их местонахождение должно быть уточнено.

Изд.: Syrků P. Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus dem Bulgari-schen // Archiv für slavische Philologie. 1883. Bd 7. S. 78—88; Кирпичников А. И. Новая византийская повесть в древнерусской литературе // Труды АС 7. С. 1—8; Moczulski W. Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur bei den Südslaven // Archiv für slavische Philologie. 1893. Bd 15. S. 371—380; Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // ПДПИ. СПб., 1906. Вып. 162. С. 97—100.

Лит.: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 1 // СОРЯС. СПб., 1886. Т. 40. № 2. С. 440—441; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 546—549.

О. В. Творогов

Слово о некоем мужи именем Тимофеем (нач.: «Не умолчу бывшиа благодати божия на родѣ челоуѣчествѣм. . .») является раскольничьим сказанием, сложенным на Дону в конце XVII—начале XVIII в. С. известно в одном списке XVII в., хранящемся в ГПБ, О. XVII, № 37, 8°, л. 44 об.—55 об. (в литературе упоминается под неверным шифром Q. XVII, № 37). Список дефектный: в нем недостает конца и в середине утрачены листы.

С. рассказывает о том, как «муж некий именем Тимофей», родом из Донской области, ушел «из мира с женой и чады» и поселился в Чирской пустыни (на реке Чир — притоке Дона), «близ обители пречистые Бого-

родицы Покрова». Здесь он был пострижен покровским игуменом Досифеем в иночество под именем Тарасия и вскоре умер. Далее описывается видение, бывшее 7 января 1687 г. десятилетнему сыну Тимофея Иоанну, записанное 3 февраля этого же года неким иноком Покровской обители. Иоанну представился во сне Страшный суд и рай, в котором он увидел и основателя обители Иова, и отца Досифея, и своего отца Тимофея, убившего на своем веку четырех человек, но прощенного «понеже исповдался и пострижеса в иноческий образ». Он видел здесь протопопа *Аввакума* и прочих мучеников за веру, видел страдания грешников, противники ее распространения на Дону, атаманов Донских — Корнилия и Михаила Самарина, описаны здесь и мучения «бреющим брады». По словам В. Г. Дружинина, издававшего С., памятник изобразил «приемы раскольников, к которым они прибегали для распространения своего учения среди казаков»; с одной стороны, лица, умершие «в вере предков», изображались испытывающими блаженство после смерти, а их противники казнились дьяволом, с другой — наличествовало стремление возвысить Чирскую пустынь в глазах казаков рассказом о прощении Тимофея — убийцы — за одно только пострижение в ней.

Автор С. при изложении придерживается двух эсхатологических сказаний — Повести о видении Козьмы-игумена и Слова в неделю Мясопустную Палладия мниха. Целый ряд черт памятника, в том числе и намеки на лица и события, современные автору, заставили В. Г. Дружинина предположить, что существовали тенденциозные цели, ради которых С. и составлялось.

Изд. Слово о некоем мужи именем Тимофей // Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 233—244, 69—78.

Лит.: Отчет имп. публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 66—67; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, ч. 2. С. 1867.

М. А. Салмина

Стефанит и Ихнилат — переводная книга басен, появившаяся на Руси в XV в. и получившая широкое распространение в XVII в.

В основе С. и И. лежит индийский животный эпос, сохранившийся в санскритском сборнике «Панчатантра» (Пятикнижие, Пять назиданий) IV в. н. э., где мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему о «разумном поведении». Через персидское посредство эпос перешел к арабам, где в XI в. Абдаллах ибн Ал-Мукаффа создал на его основе обширный басенно-новеллистический цикл «Калила и Димна», названный по именам двух шакалов — главных персонажей первой и второй (добавленной Ал-Мукаффой) глав книги. Арабская версия стала основой всех многочисленных редакций, появившихся на Западе и Востоке, в частности греческой версии. Греческий перевод, сделанный в XI в. придворным врачом императора Алексея Комнина Симеоном Сифом, получил название «Стефанит и Ихнилат», ибо таким образом Симеон Сиф перевел имена Калилы и Димны (эти имена были неправильно истолкованы им как нарицательные понятия — «Увенчанный» и «Следящий»). В XIII—XIV вв. был осуществлен славянский (сербский или болгарский) перевод С. и И., а в XV в. он проник в Россию.

Русская редакция С. и И. восходит к единому оригиналу — южнославянскому тексту, обрывающемуся на середине седьмой главы (о вещих снах индийского царя).

От XV в. до нас дошли три списка С. и И. — Синодальный (ГИМ, Синодальное собр., № 367), Рогожский (ГБЛ, Рогожское собр., № 676) и Троицкий (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 765). В рукописной традиции XVI в. С. и И. отсутствует. Остальные списки С. и И. (свыше 40) относятся к XVII в. и последующему времени.

Некоторые данные о происхождении русского текста С. и И. содер- жатся в приписке к Синодальному списку — здесь указано, что эта книга, переведенная «з греческих книг на русский язык», «писана... последнего сего ста седмые тысяща 87-го октомврия», т. е. в октябре 6987 (1478) г. Сходная приписка сохранилась и на списке начала XVII в., принадлежащем коллекционеру А. П. Гранкову, однако там дана дру- гая дата — март 6990 (1482) г. Трудно сказать, разные ли это записи или варианты одной и той же и дают ли они основание определить точную дату создания русской редакции; но ясно, что к концу XV в. она уже существовала.

Появление и распространение С. и И. на Руси было связано с важными новыми явлениями, характерными для русской литературы второй поло- вины XV в. Именно в это время в России широкое распространение полу- чают памятники светского сюжетного повествования — переводные (так называемая *сербская «Александрия»*) и оригинальные («Повесть о Дра- куле», «Повесть о Басарге и его сыне Борзосмысле», «Повесть о старце, просившем руки царской дочери»). До этого времени памятники такого характера были мало знакомы или совсем незнакомы русской литературе. Неизвестен в русской письменности был, в частности, жанр светской басни-новеллы; необычны были и герои басен С. и И. — заведомо вы- мысленные персонажи, сказочные звери. Древнерусская письменность издавна знала жанры, близкие к басне, — притчу или аполог, но ино- сказательность этих жанров отнюдь не означала какой-либо двусмыслен- ности их истолкования; они постоянно завершались ясной и определен- ной моралью. Совершенно по-иному были построены басни С. и И. Герои их не могли быть оценены однозначно; неоднозначным было и разрешение сюжетных коллизий в отдельных баснях: добродетель здесь редко тор- жествовала над злом, победителем обычно оказывался не правый, а силь- ный и хитрый.

• По своей композиции книга С. и И., как и «Калила и Димна», пред- ставляла собой «рамочное», или «обрамленное», повествование, где в со- став общей «рамки» входили отдельные главы (соответствующие книгам «Панчатантры»), а в их состав — отдельные новеллы-басни, рассказывае- мые действующими лицами (в эти рассказы иногда тоже входили вставные притчи). Основная «рамка» индийского оригинала — разговор царя с мудрецом — уже в арабской и греческой версиях потеряла значение; она играла чисто формальную роль (как своеобразный «зачип» каждой главы). Важнейшую роль приобрела зато тема первых двух глав — исто- рия льва, быка (тельца) и двух зверей, по именам которых был назван весь цикл. В первой главе описывалось лесное царство, где правит царь- лев, который «возносив и горд и скуден мудростью»; он окружен дру- гими животными, но два «мудроумных зверя» (в арабско-греческой вер- сии — шакалы, но славянская версия, видимо, не знает таких животных и именует их просто «зверьями»), Стефанит и Ихниллат, находятся вдали от царского двора. Между тем в лесу появляется неизвестное существо, страшно «рыкающее»; трусливый лев перекутан, но старается скрыть свой страх. Ихниллат является ко льву, осторожно выведывает причины «сумнения» льва и отправляется на поиски «рыкающего» зверя. Зверь оказывается тельцом, брошенным своими хозяевами и не имеющим ни- каких враждебных намерений, и Ихниллат приводит его ко льву. Обрадо- ванный лев приближает к себе тельца; Ихниллат снова оказывается в сто- роне. В отчаянии он решается на интригу — ссорит льва с тельцом, рас- сказывая каждому из них о коварных замыслах другого. Лев и телец встречаются; оба они боятся друг друга и ожидают нападения; лев убивает тельца. Вторая глава (отсутствующая в «Панчатантре») и добавленная в арабской версии) рассказывает о суде над Ихниллатом (Димной). Внешне глава повествует о наказании коварного зверя, но подлинный смысл ее — не в осуждении Ихниллата, а в изложении его остроумной само-

защиты, основанной на том, что остальные персонажи, начиная со льва, убившего своего фаворита по пустому подозрению, ничуть не лучше подсудимого. Никто из приближенных льва не может уличить Ихнилата, и казнь его оказывается не торжеством правосудия, а следствием интриг матери льва.

Рамочный рассказ первых глав С. и И. — восточное сказание о хитром звере, одурачившем глупого монарха-льва, — многими чертами напоминал животный эпос, популярный на Западе, «Роман о Лисе» (Ренаре, или Рейнеке). Правда, в С. и И. суд над хитрым зверем оканчивался осуждением Ихнилата, между тем как его западный двойник Ренар добивался оправдания, но в обоих случаях исход дела определялся не справедливым разбором его, а интригами придворных.

Многие отдельные новеллы-басни С. и И. по своей основной коллизии совпадали с сюжетом первых двух глав: там так же речь шла о столкновении между тремя типами зверей — хищным «кровоядцем», простаком «травоядцем» и хитрым зверем (в одной из басен — зайцем), способным одурачить сильного. Все это было довольно далеко от традиционной морали учительной литературы.

Как же воспринимался сюжет С. и И. на Руси?

Русские списки книги разделяются на три основные группы. К первой группе принадлежат Синодальный, Рогожский (XV в.) и Тихонравовский (XVII в.) списки; вторая представлена единственным Троицким списком (XV в.); третья группа, распадающаяся на несколько подгрупп, включает Гранковский, Толстовский и ряд других списков XVII и последующих веков. Общей особенностью всех этих списков выходящей к протографу русской редакции было (наряду с уже отмеченным обрывом текста на середине седьмой главы) наличие целого ряда интерполяций, которых не было ни в греческом, ни в южнославянских текстах. Интерполяции эти, обильно представленные в первой главе, но встречающиеся также в заключительной части, имели форму толкований и даже выделялись в древнейших списках обычными в таких случаях пометками «Иного» (т. е. от иного автора), противопоставлявшими их основному тексту (который обозначался как «Сущее»). Откровенно назидательные по своему характеру, они были в значительной степени обращены к читателям-монахам, остерегали их против «праздности», призывали к «рукоделию» (физическому труду), к безмолвным келейным молениям, к отказу от «земного служения» и всякой привязанности к «вещам». В поучениях этих исихастские черты, близкие к сочинениям *Нила Сорского*, сочетаются с резкими выпадами против «еретической злобы» в духе *Иосифа Волоцкого*. Однако интерполяции эти не только не вытекали из сюжетных рассказов С. и И., но находились с ними в явном, иногда вопиющем противоречии. Так, вслед за рассказом о тельце, покинутом хозяевами, но нашедшем поле «травоносно и водно» и отъевшемся, редактор вставил пояснение: «Зри, о иноче, и бегай таковыя пища»; говоря о старом журавле, которому под старость стало трудно охотиться на рыб (и который решил поэтому поймать их хитростью), редактор пояснил: «Многими скорьбми подобает нам внити в царство небесное» и т. д.

Однако попытки подогнать С. и И. под каноны церковно-учительной литературы были восприняты разными читателями и переписчиками памятника по-разному. Из трех списков XV в. только Рогожский список сохранил все интерполяции; в Синодальном списке они были кем-то зачеркнуты, а в Троицком они совсем удалены из текста (заодно выпали и некоторые дидактические рассуждения, содержавшиеся в греко-славянской, а частью даже в арабской версии). Стремясь придать памятнику максимальную сюжетную последовательность, составитель Троицкого списка отбросил главы, не относящиеся к истории двух «зверей» — Стефанита и Ихнилата, оставив только две первые главы цикла. Противоречия между любителями и противниками сюжетного повествования

сказываются и на дальнейшей его судьбе: в XVI в., когда церковники решительно выступают против «неполезных повестей», С. и И. исчезает из рукописной традиции (вместе с нею из традиции XVI в. исчезают и другие сюжетные памятники — «Повесть о Дракуле», сербская «Александрия» и др.); в XVII в. преобладают списки с меньшим количеством интерполяций, чем в Рогожском и Синодальном списках XV в.; при этом текст книги подвергается многочисленным переделкам. Начиная с XVIII в. книга продолжает интенсивно переписываться и читаться в старообрядческой среде; возникает даже новая версия С. и И., созданная выговскими книжниками.

Исследователи древнерусской литературы обратились к С. и И. довольно поздно и уделяли мало внимания этому памятнику. А. Н. Пыпин знал его только по спискам XVII в.; впервые текст С. и И. был издан (по отдельным спискам) в 70—80-х гг. XIX в. От старообрядцев памятник этот стал известен А. М. Ремизову, создавшему в середине XX в. своеобразное переложение С. и И. — «Повесть о двух зверях. Ихнелат». Сюжеты, параллельные отдельным басням С. и И., разрабатывали также В. М. Гаршин («Лягушка-путешественница») и Л. Н. Толстой («Обезьяна», «Цапля, рыба и рак», «Два кушца»), но они опирались при этом не на греко-славянскую, а на иные версии «Калилы и Димны».

Изд.: Стефанит и Ихнелат / Изд. Ф. Булгаков. СПб., 1877—1878 (Изд. ОЛДП. Вып. 16 и 27); Стефанит и Ихнелат / Изд. А. Е. Викторов. СПб., 1880—1881 (Изд. ОЛДП. Вып. 64 и 27); Стефанит и Ихнелат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969; Стефанит и Ихнелат / Подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой; пер. А. А. Алексеева // ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 152—221, 681—689 (ср. издание южнославянского текста: *Indijska priče prozване Stefanit i Ihnilat / Od Gj. Daničica // Starine. Na svet izdaje Jugoslovenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. U. Zagrebu, 1870. Kn. 2).*

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 158; Смирнов С. К. Стефанит и Ихнелат: Очерк из истории странствующих сказаний. М., 1879; Рыстенко А. В. К истории повести «Стефанит и Ихнелат» в византийской и славяно-русской литературах // Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Вып. 10. С. 237—280; Орлов. С. 65; Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1959; Гранков А. Неизвестная концовка «Повести о Стефаните и Ихнелате» // РЛ. 1966. № 1. С. 200; Лурье Я. С. 1) А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат» // РЛ. 1966. № 4. С. 176—179; 2) «Стефанит и Ихнелат» в русской литературе XV в. // Стефанит и Ихнелат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. С. 158—188; Лихачева О. П. 1) «Стефанит и Ихнелат» в русской рукописной традиции // Там же. С. 189—215; 2) Особая редакция древнерусской повести «Стефанит и Ихнелат» // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 144—173; 3) «Стефанит и Ихнелат»: (археографическое, текстологическое и лексикологическое изучение): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1973.

Я. С. Лурье

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ
И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- Адрианова-Перетц и Покровская АИЗР — Древнерусская повесть / Сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.; Л., 1940. Вып. 1.
— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссией.
- Б у с л а е в. Историческая хрестоматия — Б у с л а е в Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861.
- Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1877 — Б у с л а е в Ф. И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 2-е изд., испр. М., 1877.
- Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1917 — Б у с л а е в Ф. И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 13-е изд., доп. и испр. М., 1917.
- В е с е л о в с к и й. Памятники — В е с е л о в с к и й А. Н. Памятники литературы повествовательной // Г а л а х о в А. История русской словесности древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1, 2.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.
- В о с т о к о в. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- Древности. Слав. — Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1895—1911. Т. 1—5.
- ИРЛ I — История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941—1956. Т. 1—10.
- ИРЛ II — История русской литературы: В 3 т. М.; Л., 1958—1964. Т. 1—3.
- ИРЛ III — История русской литературы: В 4 т. М.; Л., 1980—1984. Т. 1—4.
- Истоки беллетристики — Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
- К а р а м з и н. ИГР — К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. 1—12.
- К у ш е в а. Из истории — К у ш е в а Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21—97.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. М. Н. Покровского (1938 г.).
- Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
- МГПИ им. В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
- МГПИ им. В. П. Потемкина — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Н а з а р е в с к и й. Библиография — Н а з а р е в с к и й А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.

- Назаревский.** — Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958.
- Очерки Орлов** — Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934.
- ПЛ** — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кутшелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
- Платонов** — Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913.
- ПЛДР** — Памятники литературы Древней Руси.
- Попов. Изборник** — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869.
- Попов. Обзор** — Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866—1869. Вып. 1, 2.
- Пыпин. Очерк** — Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- РВ** — Русский вестник.
- Рыбников** — Песни и сказки, собранные Рыбниковым. СПб., 1864. Т. 4.
- Сиповский** — Русские повести XVII—XVIII вв. / Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905.
- Скрипиль. Русская повесть** — Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. И. П. Еремин. Л., 1954.
- Скрипиль. Русские повести** — Скрипиль М. О. Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.
- Сперанский. Из истории** — Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей: Сб. статей. М., 1960.
- Сперанский. Рукописные сборники** — Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.
- ТК** — Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1.
- ТКДА** — Труды Киевской духовной академии.
- Труды АС 6** — Труды шестого Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1888. Т. 2.
- Труды АС 7** — Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. М., 1891. Т. 2.
- УИ** — Университетские известия (Киев).
- ЧИОНЛ** — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
- ЯЕВ** — Ярославские епархиальные ведомости.